

18+

Серия «Шепчущий в темноте»

Александр Донс

Темный флешбэк

Александр Лонс
Темный флешбэк
Серия «Шепчущий в темноте»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57180338

Темный флешбэк: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-907350-05-2

Аннотация

Работа детектива всегда опасна, необыкновенно увлекательна и связана со сбором информации любыми способами, зачастую неэтичными и аморальными. Место действия – недалекое будущее, но, скорее всего, параллельная реальность, ответвившаяся от нашей не так давно. Слишком уж узнаваемы некоторые аналогии и отдельные обстоятельства...

Содержание

1. Алекс Крейтон. Новое дело	5
2. Пол Жданов. Старик	26
3. Алекс Крейтон. Лейтенант Гибсон и Марк Сайкс	37
4. Пол Жданов. Доверительный разговор	54
5. Алекс Крейтон. Кто подставил кролика Роджера?	76
6. Пол Жданов. Доппельгангер	101
7. Алекс Крейтон. Сон и реальность	117
8. Пол Жданов. Выписной эпикриз	135
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Александр Лонс

Темный флешбэк

© А. Лонс, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

* * *

1. Алекс Крейтон. Новое дело

Длинная полоса неудач – явление неприятное, оно нагоняет тоску и приводит к депрессии. Банально, да? Но что делать, если это так. Денег мало, заказов совсем нет, зато счетов – сколько угодно: за Интернет, за этот миленький офис, за электричество, за воду, за лифт, за мусор и его уборку. За охрану, черт ее побери. Еще за что-то, уж и не помню, за что именно. Мне вдруг почему-то пришел на ум старый диснеевский фильм про кролика Роджера. Там тоже главный герой сначала сидел без активной работы и выкидывал счета в помойку. Но только он в конце концов получил для себя дело, а вот я... Ничего нет на горизонте. Может, плохую рекламу дал? Недаром говорят, что нет больше сраму, чем жалеть денег на рекламу. Но дорогая реклама и раскрутка мне сейчас не по карману. Вероятно, скоро придется освободить помещение, а жаль – я уже привык к своему офису. Удобно тут. Высокий этаж опять же, а я люблю высокие этажи. Мебель очень хорошая, хоть и не моя, а та, что изначально была в помещении. Удобная мебель – есть шкаф со встроенной откидной кроватью: если что – можно и заночевать. И санузел имеется с душем. Маленькое все, но одному человеку можно и так. А что мне? Ни секретаря, ни помощников нет – сам, один работаю...

Кто-то постучал. Ну кто там еще? Опять очередной счет

принесли? Или уборщица? У нас появилась новая – наверное, ничего лучше пока еще не нашла. Молодая, фигуристая, с длинными ногами и классной попкой... Эх, не задержится она здесь надолго. Уйдет скоро.

– Да-да. Войдите, открыто, – прокричал я.

– Здравствуйте, – то была совсем даже и не уборщица. – Вы Алекс Крейтон?

Пришел какой-то неизвестный мужик в хорошо сидящем, скроенном по фигуре костюме неопределенного цвета. Не то серого, не то светло-коричневого. Лица посетителя я не запомнил. Физиономия настолько заурядная и какая-то обыденно-бесцветная, что никто и никаким гипнозом из меня не смог бы вытянуть словесный портрет этого господина. Да и возраст определить было трудно. Ну, может, лет тридцать пять – сорок. Или около того. А может, и старше...

– Да, я. Заходите, располагайтесь, я вас слушаю.

Я постоянно и неизменно говорю «я». И не столько из-за своего вечного природного эгоизма, хотя до сих пор считаю это положительным качеством и легко могу обосновать, сколько из-за вшитой в мое сознание логики английского. Там все время «I am...», «I am...» и «I» всегда с большой буквы. Прекрасный язык...

– Отлично, – сказал посетитель, – у меня к вам небольшой разговор.

«Начинается, – подумал я. – Вот почему-то именно такие «небольшие» разговоры приводят обычно к большим

последствиям».

– Колы не желаете? – сказал я вслух. Бесплатные кулеры с колой были одной из приятных особенностей данного офиса. – Она охлажденная.

– Спасибо, но нет. Не пью всякую химию. Да и вам не советую. Так это вы – Алекс? И вы беретесь за всякие щекотливые дела?

– Да как вам сказать... Считается, что да.

– А на самом деле? – удивился посетитель.

– На самом деле я нахожу то, что другие найти не могут, – я сделал задумчивое и умное лицо, – и заставляю совершать то, что другие заставить не в силах.

– Процент неудач?

– Как в любом деле, – я старался говорить как можно убедительнее, – бывают и неудачи.

– А можно поточнее?

– Минутку... сейчас глянем... – Для вида я начал что-то вдумчиво листать на компьютере. Пусть видит, что у меня полный учет и порядок. – Ага, вот. Ну за прошлый год у меня было десять более-менее крупных дел. Из них в девяти я добился полного успеха.

– Нормально. А что, бывают и мелкие дела?

– Конечно, и таких большинство. Обычно это дела на один день или даже меньше. Но они и есть самые трудные.

– Почему?

– Так уж получается. Вот смотрите. Угнали у вас машину

или вертолет. Найдут?

– Вертолет-то точно найдут, – мой посетитель усмехнулся. – Может, и не сразу, но найдут обязательно.

– Вот. А если у вас карточку вытащили? – продолжал спрашивать я.

– Найдут, но уже пустую, а воров так и не отыщут. Да и искать-то никто не будет – кто ж на карточке реальные деньги держит? Карманные только.

– Справедливо, – согласился я. – Вот так и у меня, только я чаще всего добиваюсь успеха.

– Вы скромностью не обременены.

– Стараюсь, – я изобразил стеснение на лице. – Это часть моего бизнеса.

– Отлично. Однако офис у вас...

– Что мой офис? – на сей раз я вполне искренен.

– Скромненький офис, – мой посетитель обвел взглядом комнату. – Ничего эксклюзивного, один скучный стандарт. Вы же еле-еле концы с концами сводите.

– Ну я бы не стал столь пессимистично... – я изобразил недовольство.

– Я проверил вашу кредитоспособность.

– Как? Это закрытая информация! – тут уже ничего изображать мне не потребовалось, я и правда был разозлен. – Если банк допустил утечку, то я подам...

– Не надо возгласов, не нервничайте так. – Посетителя, казалось, развеселила моя реакция. Странно, к чему бы? –

Вы будете на меня работать, я уже решил. Только с деньгами внимательнее, особо широких трат я позволить вам не смогу. Основной гонорар – только после удачного исполнения дела, а пока – компенсация расходов. И еще условие. Все чеки и счета – мне. Я возмещаю затраты лишь тогда, когда уверен, что счета не из секс-клуба.

– А если мне понадобится посетить этот секс-клуб по делу? По работе?

Чем-то этот мужик меня раздражал. Только вот чем? Нормальный вроде бы дядька. И одет хорошо: неброско, но явно эксклюзивно и со вкусом. Рожа вся такая, что и прицепиться не к чему. Прическа аккуратная и недешевая. Но что-то не нравилось мне в этом господине. Ладно, не мое дело, лишь бы заплатил.

– Отлично. Тогда совсем другой расклад. Пишите отчет и посмотрим. Счета будут оплачены.

– А сумма гонорара? – по-своему понял мою неуверенность посетитель. – Вот, это должно вас устроить.

И мой уже почти клиент протянул заранее заготовленный кусочек картона с написанной от руки суммой. Число меня не только устраивало – оно просто превосходило все самые нескромные ожидания.

– Согласен.

Естественно, я принял предложение – безденежье утомило. Даже если я провалю дело, о котором еще и речь-то не зашла, то смогу покрыть все расходы на содержание офиса

до конца года – те бумажки со счетами выкину и запрошу новые, с другой датой.

– Отлично. Вы еще не узнали сути, а уже согласились.

– По условиям стандартного контракта, я могу отказаться, пока деньги мне еще не поступили.

– Естественно. Я не о том. Вы не знаете моего дела, а оно весьма непростое, деликатное и связано с определенной опасностью и риском. Дело вот какое. Меня зовут Серж Стентон. Я исполнительный директор «ВИП Сервис Консалтинг Лимитед». Мы занимаемся... Ну, сейчас не столь важно, что именно мы делаем, вам только нужно учитывать, что наш оборот достаточно основателен, у нас большей частью бывают серьезные, весьма солидные клиенты, нередко корпоративные, и мы высоко ценим свою репутацию.

– И вы лично пришли в мой маленький офис? Несмотря на занятость? А можно узнать о характере работы вашей фирмы? В двух словах? Извините уж.

– Извиняю. Главное направление нашей деятельности – оперативное получение данных из надежных источников, что является необходимым условием для эффективной работы любого предпринимателя, не мне вас учить. Еще мы оказываем информационно-консультационную и юридическую помощь. Услуги нашей компании представляют собой комплекс мероприятий, направленных на получение и предоставление объективной информации о репутации тех или иных субъектов. В какой-то мере мы с вами коллеги.

– Я раньше о вас где-то уже слышал, – признался я, – но как-то вскользь.

– Это неудивительно, что вы о нас знаете. Хотя мы и не пересекаемся, поскольку существуем в разных мирах. Неважно. Я специально выбрал именно вас и пришел к вам лично, знаете почему?

– Нет, но хочу узнать, – я действительно ничего не понимал. – Можно сказать, горю желанием. Почему вы, с вашим масштабом, не могли взяться за дело сами? Зачем обратились ко мне? Ведь я работаю один.

– Именно поэтому. А еще потому, что я наслышан о вас, о вашей работе. Я позволил себе собрать небольшое досье... И еще потому, что раньше наши пути никак не пересекались, а это тоже весьма существенно.

– Ну... – я был польщен и сразу не нашел, что ответить, – если вы так считаете...

– Отлично. Так вот, к сути. Мне, а вернее, нашей фирме необходима помощь особого свойства. Причем нам желательно не задействовать нашу же службу безопасности, наши собственные возможности и официальные структуры. Дело деликатное и тонкое, как Восток: пропал мой секретарь, необходимо ее найти. По некоторым непроверенным сведениям, она исчезла в Темном Городе.

– Ее?

– Да, это девушка, причем весьма симпатичная, – сказал Стентон. – Но меня сейчас больше беспокоят не ее личные

данные, а то обстоятельство, что вместе с ней испарился ее компьютер, в котором содержится очень важная информация. Ее зовут... звали Марина Чанг. Уже месяц, как о ней ничего не слышно.

– А... вы знаете, что обычно ищет любой детектив?

– Как правило – людей, ценные предметы и информацию. В нашем случае важны первый и последний пункты. Особенно – последний.

– Девушка менее важна для вас? – удивился я.

– Я буду с вами откровенен. Если бы вдруг стало доподлинно известно, что она погибла, а ее компьютер попал под гусеницу танка, я бы к вам вообще не обратился.

– Понятно. Сделаю все, что смогу. Мне нужны наиболее полные сведения по этому делу.

– Вот, – и он протянул мне плоскую коробочку со старым-престарым versatile-диском, – тут полное досье. Вы там ориентируетесь. Адрес с паролем запомните на слух: 850iuyRR.aq. Пятый сверху пейзаж. Повторите.

– Восемьсот пятьдесят, ай-ю-вай, две большие ар и домен Антарктиды. Пятый сверху пейзажный имеж.

– Отлично. Пароль всегда легко найти, но я надеюсь на вашу аккуратность, давайте откроем прямо сейчас... Открыли? Отлично. Вы же не станете записывать его на носитель и забывать на столе? Не начнете таскать с собой и не будете перекидывать его на свой компьютер?

– Не буду. Я внимателен к документации, с которой рабо-

таю, а этот компьютер защищен по полной программе, даже к Сети я его подключаю только тогда, когда возникает на то надобность. И мой сейф абсолютно надежен.

– Ваш сейф ненадежен. Надежных сейфов не бывает в принципе, тем более абсолютно надежных. А любая защита компьютера может быть взломана. Рано или поздно... Банальности говорю. Давайте действовать таким образом: изучите материалы, посмотрите, что и как, а потом уничтожьте диск. Он, кстати, защищен от копирования. У вас же компьютер снабжен старыми механическими приводами для считывания? Теперь уже редко у кого встретишь такие.

– Интересно, – я был несколько ошарашен таким подходом. – А вдруг я что-то забуду? Или мне понадобится экстренная справка в процессе работы? Здесь сколько терабайт полезной информации?

– Много терабайт. Если возникнут трудности, то обращайтесь в любое время. Мой мобильный номер там тоже есть, и связь будем поддерживать через него. У вас же стоит скремблер? Отлично. Синхронизацию я проведу прямо сейчас – вас так устроит? Ваш рабочий мобильник, будьте любезны.

Пока мой посетитель настраивал скремблеры на наших телефонах, я вставил доисторический диск в привод своего компьютера, ввел пароль и стал смотреть материалы. Большею частью там были записи каких-то разговоров, видеозаписи, много текста и очень много фотографий. С такими

объемами материала мне работать еще не приходилось. Для себя я сразу решил: что бы там ни говорил мне этот тип, а диск я обязательно скопирую к себе на комп. И парольную фотографию тоже. Правда, пароль они могут периодически менять... А, неважно. Я все равно не смогу удержать в голове всю эту кучу данных. Просто физически. Я не Джонни Мнемоник, а защита от копирования уж точно не для меня проблема.

– Все. Готово. Вот ваш мобильник. – Стентон протянул мне смарт. – А теперь так. Сколько времени понадобится вам для того, чтобы изучить суть дела?

– Ну дней пять – неделя...

– Два дня, – выпалил Стентон.

– Шутите? – я обалдел. – Это же нереально.

– И не думал шутить. Времени у нас с вами в обрез, но вы успеете. От этого зависит ваш гонорар.

– Если очень постараться, то успею, конечно, но придется принять кое-что.

– Отлично! – это явно любимое словечко моего нового клиента. Все у него было «отлично». – Я снабжу вас всем необходимым, а ровно через сорок восемь часов приду, и вы в моем присутствии уничтожите диск.

– Подождите, – только сейчас до меня наконец начало доходить, что удумал Стентон, – вы хотите сказать, что я тут буду сидеть безвылазно двое суток?

– Ну да. А что такого? Мы же договорились. У вас тут

очень удобно. Можно и спать, и, извините... справлять естественные надобности, не выходя за эти двери. Еду вам доставят, вернее, уже доставили. Этого холодильника вполне хватит. И еще воду: не пейте вы эту гадость из кулера, умоляю вас. Пока работаете на меня – не пейте, а потом – как хотите. На дверь я вам поставлю сторожа, для вашего и моего спокойствия. Его только я смогу снять. Ну вроде бы все... Да, теперь посмотрите контракт. Внимательно все прочитайте и подпишите каждую страницу.

С этими словами Стентон передал мне две одинаковые сшивки листочков обычного формата. Быстренько пробежав глазами текст на обоих экземплярах – я привык оперативно работать с большим объемом документов, – я поставил внизу свои закорючки, закрепив подписи личной печатью.

– Отлично. Ну что ж, засим разрешите откланяться. Продукты уже доставлены, возьмете за дверью. Как только вы захлопнете эту дверь, заработает сторож, и раньше чем через двое суток вы не сможете покинуть данное помещение. А это от нашей фирмы, на память. – Стентон положил мне на стол рекламную ручку с цветами и логотипом компании.

– Да, но если, не дай бог, с вами что-то случится, тогда как? – мне действительно не нравилось, что меня запирают на два дня. – А если пожар? Или экстренная эвакуация?

– Не беспокойтесь вы так. И про эвакуацию не думайте, я надеюсь, что ее не будет. Через пятьдесят часов сторож деактивируется. Но я приду раньше. Давайте я вам помогу.

Стентон был так любезен, что сам помог втащить действительно стоявшие за моей дверью пакеты со жратвой и полуторагаллоновую бутылку воды – у меня в офисе нет питьевого крана, – после чего отдал мой экземпляр договора, и мы расстались. По характерному чмокающему звуку я сразу понял: сторож включился. Время пошло.

Никогда не бойтесь делать то, чему вас еще не учили. Помните: «Титаник» строил профессионал, а Ковчег – любитель. Правда, профессионал был плохой, а любитель вымышленный, но это уже детали...

Работать в таком темпе и в столь жестких условиях мне еще не доводилось. Согласно контракту, десять процентов от общей суммы гонорара я получал сразу после подписания. Приятной фишкой был пункт об оплате клиентом моих расходов на период ведения дела. Если эти расходы не превысят... если расходы будут связаны... если расходы подтверждены... – ряд оговорок. Но тем не менее. Даже эти десять процентов (вечно везде эти десять процентов!) решают мои финансовые проблемы на ближайшее время.

Стоит ли говорить, что такие перспективы подтолкнули меня к активной деятельности? Я принял ряд мозговых стимуляторов и хотел уже проглотить таблетку от сна, но передумал. Что-то плохо я переношу такие таблетки. После окончания их действия у меня всегда развивается тахикардия и я уже не могу полноценно трудиться. А сейчас это явно не в кассу.

Стентон правильно сделал, что запер меня здесь.

Больше суток я не отходил от компа. Заточенный в своем рабочем помещении, я делал только небольшие перерывы на то, чтобы распечатать еду. Ну и в сортир еще ходил. Ни сеть, ни телефон не работали. Мобильные смарты тоже непривычно молчали – сторож исправно делал свое дело. Часов за десять до истечения срока ознакомления с досье я понял: необходим отдых. Хотя бы небольшой. Ни душ, ни холодная вода мне уже не помогали – спать хотелось нереально, а голова почти ничего не соображала. В таком состоянии я бы все равно ничего полезного не запомнил и не обработал. Развернув свой откидной диван, я вынул из компьютера диск, скинул с себя одежду и залез в душ – чуть было не уснул стоя. Потом вытерся и нырнул в спальный мешок. Давно замечено: в нем лучше и эффективнее спать абсолютно голым.

Разбудил меня звук удара чего-то небольшого, но тяжелого. Я не сразу сообразил, что это отвалился сторож за дверью. Часы показывали семь вечера. Ужас какой. Я проспал. Уже на два часа больше, чем мне отвел Стентон для окончания работы с досье... Черт. А где сам Стентон, хотелось бы знать?

Тут же зазвонили все телефоны: обычный и оба мобильника – мой личный и служебный, со скремблером.

Выскочив из спальника, я как был – в костюме Адама – схватил сразу оба телефона: линейный и служебный. Наверное, со стороны зрелище было живописное.

– Да?

– Алекс, ты куда пропал? – звонил управляющий офисом. Еще третьего дня он прислал мне счет с личным уведомлением, что через десять дней, если не оплачу задолженность и проценты, я должен буду выметаться отсюда. – Я тебе уже пятый час звоню.

– Мистер Андерсон, – промямлил я, – я как раз хотел...

– Чего хотел? На твой здешний счет поступила кругленькая сумма. Полгода можешь не думать об оплате. Что, разбогател? Ладно, я всегда знал – ты головастый парень, поэтому и не торопил тебя.

«Ага, – думал я, – чего раньше ты не был таким добрым? Или свои знания обо мне так тщательно скрывал?»

– Тебе там удобно? – продолжал Андерсон. – В новый офис не думаешь переехать? Расшириться не желаешь?

«Ни фиги себе. Точно что-то случилось. Или в лесу медведь сдох», – мысленно предположил я.

– Спасибо, сэр, но мне тут вполне комфортно. Я же люблю уютные помещения.

– Ну как знаешь. Звони, если что. «Если что?..»

Второй смарт тоже не молчал:

– Ф-ш-ш-ш-ш-ф-ф-ш-ф-ш-ш-ф-ф-ш-ф-ш-ш-ф-ф-ш... Я отключил скремблер.

– Да?

– Извините, можно попросить Алекса Крейтона? Молодой женский голос. Деловой и официальный.

Но приятный и вежливый.

– Можно, это я.

– Добрый день. С вами говорят из юридической конторы Фрэнка Уильямса.

Ого. Неслабо. Юридическая фирма Уильямса – одна из ведущих компаний подобного профиля. Ведет самые разные дела, но исключительно аккуратно и качественно. На высоком профессиональном уровне. В ее штате вымуштрованная команда классных юристов всех специальностей, и не было еще такого случая, чтобы у Фрэнка Уильямса отказали клиенту, способному оплатить их счета – немалые, разумеется. Стать клиентом Фрэнка Уильямса мог кто угодно, были бы деньги.

– Я весь внимание.

– В нашей фирме был составлен один документ, – продолжила сотрудница Фрэнка Уильямса, – согласно которому вы, в случае гибели, исчезновения Сержа Стентона или утраты им дееспособности, становитесь нашим клиентом.

– В каком качестве? – тут до меня дошло: «.. в случае гибели, исчезновения или утраты дееспособности». – А что со Стентоном?

– Вы не знаете? Вы не могли бы подъехать в наше представительство в вашем городе?

– А это где? – Я никогда раньше не был в этой фирме. Не приглашали. Рылом не вышел. – Далеко?

– Эминем-Бич сто двадцать один. Офис восемьсот девят-

надцать.

– Когда? – нетерпеливо спросил я.

– Как вам будет удобно. Желательно побыстрее.

– Можно сейчас?

– Да. До двадцати одного часа вас примут.

– Спасибо, – сказал я.

С этими словами я повесил трубку, поскольку моя собеседница уже отсоединилась. Все еще туго соображая – всегда плохо себя чувствую, когда меня будят, – я взял другой смартфон. Мой личный. Он так и не перестал звонить.

– Я! – прокричал я в смарт.

– Наконец-то, – звонила моя девушка. – Ну ты и свинья!

Куда пропал?

Сколько раз меня уже так обзывали, причем самые разные люди. Мы вместе уже года два и никак не можем разойтись. Чего-то все тянем и тянем, хотя уже порядком надоели друг другу. Такой всплеск неожиданной заботы обо мне любимом удивил. Обычно Эльза (так ее звали) могла пропадать на несколько дней без всяких объяснений. На мои вопросы потом следовало: «А я тебе не жена. Где хочу, там и хожу, что желаю, то и делаю». Какие причины влияют на то, что люди расходятся и разводятся? Как ни странно, обычно это не какие-то глобальные несоответствия, а пустяки, хотя, конечно, часто все эти мелочи – только верхушка айсберга. Нет, я все-таки идиот. Ну зачем мне это надо, а?

– Куда пропал? – продолжала наседать Эльза. – Только

и слышу: «Телефон абонента выключен или находится вне пределов зоны связи». Я все приемные отделения обзвонила, в бюро по пропаже людей заявляла, всю базу данных неопознанных трупов облазила, а он жив-здоров и отключил мобильник. Ну сейчас ты спал, по голосу понятно, а два дня чего делал? Опять в загул ушел? Что, со шлюхами развлекался? Я тебе все волосы выдеру, будешь теперь лысый ходить. Чего молчишь? И сказать нечего?

– Да я и слова-то вставить не могу.

– Слушаю тебя.

– Новое дело получил, – Эльзе нужно сообщать правдивую инфу, но без особых подробностей, в урезанном виде. – Хотел, чтобы не беспокоили.

– Предупредить мог? – продолжала сердиться она.

– А что могло произойти за два дня? – удивился я. Такая напористость Эльзы была не очень-то для нее и характерна.

– Да все что угодно. Тебе перечислить по пунктам? Ты мог банально умереть или, наоборот, обрести просветление, вступив в какую-нибудь новомодную секту, мог узнать жуткую тайну и провести несколько суток под пытками, мог влюбиться или отравиться...

– Не дозвонился до тебя, – соврал я на удачу, – ты трубку городского не брала.

– А это когда было?

– Вот дня два назад и было. Не помню точно, когда.

– Да? – голос Эльзы утратил прежний напор, и в нем по-

явились нотки неуверенности. – Ну, возможно, я ненадолго и отключала телефон. Но все равно. Мог и сообщение кинуть. Я вся извелась.

– Чего вдруг? – притворно удивился я, ибо такая склонность к беспокойству никогда не была присуща моей подруге.

– А ты что, правда не знаешь ничего? Или прикидываешься? У тебя классно выходит, я почти поверила.

– Скажешь мне, наконец, в чем дело? – я начинал злиться. – У меня все выключено было два дня, и я никуда не выходил. Я ничего не знаю. Над делом работал, и связь только сейчас снова восстановилась.

– Ну ты маньяк. Не врешь? Ладно, поверю тебе. Бог покарает меня за мою доверчивость и неоправданную доброту. Слушай: Серж Стентон. Знаешь такого?

– А что с ним? – я насторожился.

– С ним уже все. Его с проломленным черепом нашли на каком-то мусороперерабатывающем заводе. Я уже не помню, на каком именно. Не суть. Главное – в его кармане оказалась копия договора с тобой. Причем только та страница, где имена, подписи, реквизиты сторон и прочая лабуда. Полиция сразу взялась за твои поиски. Ничего. В офисе тебя нет, твои телефоны не отвечают, все линии, ведущие к тебе, – заблокированы. И дома ты не появляешься. Где ты работал-то? Меня уже эти копы затрахали всю. Причем в особо извращенной форме: путем допросов. Скоро и до тебя доберутся. По-

моему, полиция подозревает, что ты или как-то причастен к убийству, или угрожал этого Стентона самолично. Кстати, а это кто? – завершила свою тираду вопросом Эльза.

Я сначала ничего не понял. Голова работала еще плохо – сказывались последствия стимуляторов. «В офисе тебя нет». Меня то есть нет. А я сидел тут. Сначала – сидел, а потом – лежал. Но – тут. Никуда не уходил, над дверью висел сторож. Ну конечно же – сторож. Это устройство не только блокирует связь, замки и экранирует всю электронику. Оно, если надо, создает эффект отсутствия человека в помещении. Ни дежурная камера, ни датчики ничего не обнаруживают. В верхней палате парламента уже давно ведутся разговоры о запрете сторожей, но пока договорились только о лицензировании и получении разрешений на их применение.

– У меня сторож на двери висел, – вынужденно признался я, – установленный ровно на сорок восемь часов.

– Ничего себе. Кто ж тебя так?

– Стентон, кто еще? Он должен был выпустить меня часа два назад. Я на него работаю... работал. Он один из боссов «ВИП Сервис чего-то там».

В этот момент раздался стук в дверь. Стук был требовательный и довольно-таки бесцеремонный.

Так стучат только очень уверенные в себе парни.

– Все, Эльза, по-моему, за мной уже пришли. Если что, я в полиции. Вытащи меня под залог, если упекут. На моем счете должно быть не менее десяти тысяч, а моя карточка у

тебя. И обязательно сообщи Нику Сикорскому.

– погоди, а откуда у тебя вдруг... Не дослушав Эльзу, я отсоединился.

– Сейчас, сейчас. Открою. Дверь сломаете. Только и успел, что поставить грязную кофейную кружку на диск, принесенный Сержем Стентоном, и кинулся к двери, поскольку действительно испугался за ее целостность. Открыв замок, я увидел своих старых знакомых – лейтенанта Криса Гибсона и сержанта Вудфорда из отделения полиции, в юрисдикцию которого входил офисный центр. Сзади маячил помощник управляющего. В руке у Гибсона был сторож, которым он многозначительно покачивал.

– Добрый день, господа, – я старался говорить легко и непринужденно, – чем могу?

– Ого. Чем это ты тут занимался, интересно? – вместо приветствия сказал лейтенант. Только сейчас я сообразил, что по-прежнему стою совершенно голый. Его нехорошая улыбочка мне сразу очень не понравилась. – Уж не знаю, как для меня, а для тебя день точно недобрый. У тебя есть разрешение на эту игрушку?

– Она не моя, а Стентона. Он поставил еще двое суток назад. Можно хоть оденусь?

– Ты это брось. На стороже был включен режим невидимости. Для чего это Стентону? У него официальная лицензия на использование есть.

– Почему я знаю? – огрызнулся я, натягивая джинсы. – Вот

у него и спросите.

– Спросим, обязательно спросим, – при этих словах помощник управляющего, которого я так и не узнал как зовут, как-то странно посмотрел на лейтенанта, – но сейчас я тебя спрашиваю. И еще кое-что мне объясни... Да, мистер Ли, спасибо, вы нам больше не нужны, – повелел лейтенант Гибсон. – Входим, сержант.

Помощник управляющего с недовольным видом удалился. «Чего это он вылупился? Голого мужика никогда не видел? Может, он какой-нибудь гей?» – промелькнула в голове нелепая мысль.

2. Пол Жданов. Старик

Поначалу шеф (он же босс, Старик, директор) красноречием не блистал. Его абсолютно лысая шишковатая голова была опущена, а взгляд направлен на сухие стариковские руки, в которых он вертел маленький декоративный, но смертельно опасный стилет. Или как он там называется, этот инструментик? Я плохой специалист по холодному оружию. На лысине и на руках шефа нехорошо выделялись возрастные пятна, а под бледной пергаментной кожей резко выступали синие вены. Только сейчас я обратил внимание, что мой непосредственный начальник уже очень и очень стар. Сколько ему? Восемьдесят? Девяносто? Сто? Больше? Никто из наших толком не знал реального возраста Старика, а свои дни рождения он вообще никогда не отмечал. Каким-то непонятным образом шефа не коснулся «Закон о максимальном возрасте», и отставка ему явно не грозила. Его худощавое лицо выглядело посеревшим и усталым, но взгляд был сосредоточен, внимателен, даже строг. Говорят, недавно Старiku в очередной раз сделали подсадку стволовых клеток, провели коррекцию иммунитета, заменили глаза, кишечник и еще кучу других внутренних органов. Не знаю, правда это или вранье – информация о здоровье шефа для нас всегда была табу.

Когда он посмотрел мне в лицо, то я ощутил себя как-то

неловко и стесненно, будто студент на первой в жизни сессии. А вот мой бывший патрон, хорошо знавший директора, никогда не испытывал такого чувства и всегда разговаривал с ним совершенно свободно.

– Итак, Пол, – недовольным тоном обратился ко мне шеф, с силой и глубоко воткнув в пластиковую ручку кресла острие своего игрушечного кинжала, – твой отдел существует уже год, а никаких заметных результатов я что-то не наблюдаю. Может, объяснишь?

Старик отвел вбок сжатый кулак со стилетом и раскрыл ладонь. Глубоко воткнутый в черный подлокотник клинок завибрировал и загудел, постепенно затихая. Интересно, почему шеф не омолаживает кожу? Руководитель такого уровня вполне может себе это позволить. Я молчал, не имея понятия, что мне ответить и как правильнее себя вести. Такой оценкой своей работы я был удивлен и глубоко оскорблен. Шокирован, если так можно выразиться. Вообще-то пока я сюда шел, надеялся на более лестный отзыв со стороны своего начальника, даже – чем черт не шутит – на поощрение или награду. Мне было чем похвастаться за последний год: сделано много, результаты впечатляли, и за проделанную работу я испытывал даже что-то вроде гордости.

– Ну? Я, кажется, задал конкретный вопрос? – недовольно пробурчал Старик.

– Извините меня, босс, но это не совсем так, – сказал я, стараясь прояснить ситуацию и пытаясь говорить увещава-

тельным тоном. Если честно, то я никак не рассчитывал на столь мощный и неинтеллигентный разнос. – Мы же раскрыли несколько крупных, опасных и запутанных дел, отыскали самого Хашими Азизона, установили каналы доставки, нашли всех распространителей и раскопали место производства наиболее опасного...

– Стоп, – шеф звонко хлопнул ладонью по ручке кресла, и успокоившийся было стилет опять начал дрожать, – это все я прекрасно знаю и помню. Но! Ты не забывай, что ничего такого уж экстраординарного вы там не сделали. Все эти задачи вполне решаемы традиционными методами, без этих твоих ходячих покойников. Даже полиция...

– Но сроки, босс. Обычными методами мы бы копались неопределенно долго. А уж полиция... сами знаете. Зря вы так, – с ноткой упрека сказал я шефу. Старик иногда допускал некое подобие демократии при общении.

– Да ты выслушай сначала, – шеф щелкнул по ручке стилета, и тот снова сердито завибрировал. – Даже полиция могла бы справиться, если бы там не остались одни только ослы. И не возражай мне, не надо. Я дал тебе возможность самому сформировать отдел из кого ты захочешь и отформатировать по той схеме, по какой ты считаешь нужным. Под мою личную ответственность, как ты помнишь. Ты и полковника получил под эту должность. Как тебе погоны? Не дают? Я тебе помогал собирать твоих... этих... Все бумаги подписывал. И звонил сам кому надо, если необходимо было. И где?.. Ты

мне обещал что? Помнишь?

– Но босс, мы же целый ряд задач довольно эффективно решили и работали... – я начал оправдываться, как нерадивый школьник, проспавший выпускной экзамен. Нет, сегодня точно не мой день.

– Работали! – перебил меня начальник. – Вот что, парень. Первого сентября я обязан положить на стол президенту отчет о работе всей нашей службы за истекшие двенадцать месяцев. Кроме всего, что мы и так прекрасно знаем, нужно нечто такое, что можно было бы повернуть только с помощью этих твоих «зомби». Понял, да? Нужно дело, от которого у нашего Хозяина глаза бы загорелись, дабы денег дал и изводить нас своими вечными контролями и проверками перестал. Я вполне понятно выражаю мысль или как?

– Да, босс, я согласен с вами, – расстроено сказал я. – Но разве нельзя дело того же Азизона использовать? Следствие уже закончено, а главное – дело-то своеобразное, крупное и там без моих ребят вообще ничего бы не получилось.

– Это мы с тобой знаем, что ничего бы не получилось, – шеф по-стариковски крикнул и без видимых усилий двумя пальцами выдернул из подлокотника свой кинжальчик. Похоже, немного успокоился. – А Хозяин не знает и знать такие подробности не должен. Вникать во всякие тонкости ему будет некогда... да и неинтересно. И потом, дело Азизона хоть и крупное, но секретное, нулевого уровня, и секретность не будет снята еще лет десять, если ничего особенного не слу-

чится. К Хозяину это, конечно, не относится, но сам знаешь... А нам сейчас надо нечто громкое и яркое, чтоб надолго запомнилось и чтобы только твои мертвяки помочь могли. И чтобы прессе можно было бы безбоязненно материалчик после скинуть, в препарированном виде, разумеется. Как старый оперативник, я бы посоветовал вот что... строго между нами, конечно... Так вот... Возьми в полиции любое свежее дело... вернее, не любое, а перспективное возьми. Скандальное что-нибудь, с именитыми трупами, с обилием секса и насилия, с таким развратом, чтобы у всех уши в темноте светились. Чем больше порнографии, тем лучше. Можно что-нибудь связанное с Темным Городом, это сейчас тоже очень модно. Придай делу яркость и блеск, а потом проверни через свой отдел. Или наоборот – сначала проверни, а потом придай, я тебя учить не буду, сам сориентируешься, не маленький. Обязательно позаботься об эффектных материалах и броских достоверных документах, дабы не совестно было Хозяину на стол положить. Времени тебе на все про все – до августа. Не справишься – пеняй на себя, я прикрывать не буду. Твой отдел у меня уже в печенках сидит и по ночам снится. Если ничего не получится, то закроем его к чертям собачьим, пару звездочек с тебя снимем и обратно пойдешь к Князеву. И кадры твои тоже по местам рассуем, где они там числятся. Вопросы есть? Нет?

Шеф поднялся, царственным жестом разрешив мне сидеть, вышел из-за стола и начал прохаживаться по кабинету.

Наш босс был высокого роста, в простой черной рубашке, в таких же брюках, заправленных в высокие кожаные ботинки на обычной шнуровке. Широкий ремень из явно натуральной крокодиловой кожи на узкой талии еще больше подчеркивал стройность его фигуры.

Несколько раз Старик молча прошелся туда-сюда, а я внимательно следил взглядом за этими передвижениями. Шефский кабинет представлял собой обыкновенную, не очень-то большую комнату. Помещение это – святая святых нашей фирмы. Я тут бывал и раньше, и всегда оно угнетало сочетанием спартанской скромности с изысканной утонченностью обстановки. Подавляло интерьером, мебелью, дизайном – всем. Мебель у шефа – особая статья расхода в нашей конторе. Существует неписаное правило: обстановка директорских кабинетов должна отличаться от общего оформления всех остальных кабинетов и офисов службы, пусть сам шеф иногда играл в демократию и старался подчеркивать идею равенства и братства. Это старая традиция, уходящая корнями в бесконечность прошлого, и у нас ее старались соблюдать. Кресло босса должно говорить всем своим видом: «Я не просто кресло, я – кресло шефа», ведь это почти трон. Всем должно быть ясно с первого взгляда. Каждому сюда входящему. Словом, в кабинете ничего избыточного, но все изысканно и утонченно.

Походив некоторое время – видимо, просто разминал затекшие ноги, – шеф сел обратно за свой стол и принялся рас-

смаатривать его, будто давно не видел и отвык от этого зрелища. На рабочем столе Старика, кроме терминала и принтера, лежала стопка документов и чья-то голограмма в рамке. Справа от стола – этажерка с разнообразными носителями информации. Сразу перед столом – пара гостевых кресел, а у самого окна – небольшой столик, на котором валялись какие-то округлые, завернутые в черную ткань предметы, размерами и формой напоминающие отрубленные человеческие головы. Не то вещдоки, не то рабочие материалы. В углу комнаты – незакрытая дверь, за которой виднелись эффектный диван и еще одна дверь. Нетрудно было догадаться, что здесь, в этом помещении, Старик проводил большую часть своего времени.

Но я снова отвлекся.

Итак, шеф молчал. Я уж было решил, что беседа закончена, все указания даны, задачи определены и мне пора откланяться. Я даже поднялся и хотел уходить, как вдруг заработала голосовая связь и вторая секретарша доложила:

– Извините меня, босс, но пришел Трясогузкин.

– Уже приехал? – неожиданно радостно отозвался шеф. –

Тогда пусть заходит, тут только свои.

Наружная дверь сразу же открылась, и в кабинет торопливо вошел сильно лысеющий человек ниже среднего роста, лет пятидесяти, с неопрятными рыжеватыми усами и небольшой бородкой, в заурядном ношеном костюме горожанина обыкновенного достатка. Галстук в горошек. Выглядел этот

господин простачком, вот только сквозь прищуренные веки на меня вдруг глянули пронзительные карие глаза. Еще больше меня удивило его обращение к шефу:

– Всем большой пг'ивет. Господин Кг'ейг, все сделано, как вы пг'осили. Пег'вые г'езультаты уже получены. Аг'хиважные г'езультаты, позволю себе заметить. Хотя, батенька, появились нектог'ые пг'облемы и затруднения личностного, так сказать, пог'ядка...

– Хорошо, господин Трясогузкин, – со странной интонацией в голосе отозвался шеф. – Прошу вас, заходите. Пол, ты свободен. Давай, иди и трудись на благо демократии.

Я встал со стула, а «господин Трясогузкин» подошел к столу. Я недоумевал: почему этот картавый коротышка называет нашего босса «господин Кг'ейг» и «батенька»?

Такое фамильярное обращение к шефу вообще-то не принято в нашей конторе.

Наш начальник – директор Федеральной службы информационной безопасности (ФСИБ), босс – как мы его называли в глаза, шеф или Старик – как именовали за глаза, пережил не одно правительство и не одного президента. Шеф требовал называть себя просто – «босс», но официально звали его Мартин Крейг. Я тогда понятия не имел, дано это имя ему при рождении или же это просто очередной псевдоним. О шефе вообще было мало что достоверно известно. Поговаривали, будто он начинал свою карьеру обычным хакером, потом в какой-то охранной структуре стал програм-

мером-сетевиком и резко пошел в гору. Босс сделал себя сам, чем весьма гордился. Он не был «кабинетным», оторванным от жизни работником и, уже будучи директором нашей конторы, часто выезжал на места и там подробно знакомился с настроениями сотрудников, вникал в проблемы, интересовался чистотой работы, порядком... Все откровенно боялись его. И это, пожалуй, все, что я знал, – тонкости, а также детали своего творческого пути шеф никому обычно не разглашал, и ничего конкретного я тогда сказать о нем не мог. Слухов и сплетен вокруг его личности ходила масса, но что считать правдой, а что – откровенным враньем, решить было сложно. Вполне вероятно, что никакой правды в этих россказнях вообще не было: босс умел скрывать следы и прятать реальную информацию за ворохом всякого хлама. В этом умении мало кто мог сравниться со Стариком.

Когда я уже выходил из шефского кабинета, рядом с ухом что-то просвистело и в дверной край, на уровне моих глаз, воткнулся тот самый стилет, что так любовно вертел в руках мой директор. Я ничем не показал своей реакции и молча вышел. Уже закрывая дверь, я услышал сзади какой-то шелест и не сразу сообразил, что это смех босса. Раньше он при мне вообще никогда не смеялся. Что-то не то сегодня происходит с шефом. Да, сдает, сдает наш Старик. Раньше он подобного никогда бы себе не позволил. Уж не заболел ли? Или вчерашние новости на него подействовали так причудливо? Идя к себе, я никак не мог заглушить в своем со-

знании некоторые слова, услышанные в кабинете Старика, – они так и звучали у меня в башке. Что ему еще надо? Яркое дело ему подавай. Я что, мальчишка? Писатель-сюжетник? Синопсист? Или кто? Вон пусть на своих референтов давит, благо их у него двое. Пугать вздумал, погоны вдруг припомнил, которые я сроду никогда не носил. У меня и формы-то нет, запрещено нам в форме ходить, а все эти военные звания больше для виду, для престижу и чтобы другие силовики уважали и не плевали на нас. Хотя нас все знают и, по-моему, даже побаиваются, до сих пор отношение к моей организации какое-то несерьезное. Причем на самом верху. Вон вчера в новостях прошло сообщение со ссылкой на президента, что у нас развелось слишком много силовых служб, что они дублируют друг друга и сами себе придумывают дела, скрывая тем самым отсутствие реальной работы. Что за бред? Настоящей работы у нас предостаточно, куда уж реальнее. Не зря же всегда такой уравновешенный и мудрый шеф сегодня до такой степени взбеленился – не его стиль вообще-то. Тут одним громким делом не обойтись, и наверняка не мне одному он хвост накрутил.

Черт бы его побрал.

Я быстро успокоился – все-таки кое-что еще умею. «Нессы, прорвемся», – как в былые времена любила говаривать одна моя прежняя подруга. Ладно, для начала означим план мероприятий. Основная задача теперь – найти подходящее «громкое» дело, а потом раскрутить его и выгодно подать на

стол начальству.

Или так: найти несколько дел, написать короткие синопсисы для каждого и показать шефу, пусть уж он сам ткнет пальцем, а потом займусь я. Да, это будет правильнее – так вроде бы создается ощущение совместной ответственности, но принятие решения все равно будет за Стариком. Не люблю я всего этого. Я не умею красиво писать синопсисы. Синопсис – короткий рассказ, краткое изложение сюжета, только без особых литературных изысков. Составлять их – это, извините, часть профессии писателя. Вот писатели пусть и пишут. Дали бы нормально работать – так нет же, картинки со спецэффектами, видите ли, им подавай. Придется еще устраивать всякие фокусы... Как же я ненавижу такие игры! Шеф практически открытым текстом заявил, что руки у меня развязаны и к методам он особо сильно придирается не будет, главное – яркий и красивый результат.

И на том спасибо.

Время перевалило за восемнадцать часов, и формально можно было уходить. И ладно, и уйду – я устал после беседы со Стариком.

3. Алекс Крейтон. Лейтенант Гибсон и Марк Сайкс

Лейтенант выглядел энергично и как-то уж очень решительно. Данное обстоятельство наводило на плохие мысли. Я знал Криса Гибсона еще в бытность его простым патрульным. Это потом он пошел вверх, после удачных раскрытий, а последнее повышение – в лейтенанты – он вообще заработал не без моей помощи. История была еще та, и, может быть, я как-нибудь расскажу об этом. Если будет время и желание. Так вот, Гибсон не страдал таким глупым пережитком прошлого, как благодарность, поэтому на его дружеское расположение рассчитывать не приходилось. А тот факт, что он пришел сам, да еще и притащил с собой сержанта, вообще не сулил ничего хорошего.

– Знаешь, теперь ты точно влип. И влип основательно. Если, конечно, не поможет какое-то чудо и у тебя не окажется стопроцентного алиби. Ответь мне на такой вопрос, и тогда будет видно, помогу я тебе или нет: где ты был последние сорок восемь часов?

– Так. Слушай, лейтенант, ты знаешь меня уже давно, так неужели ты думаешь, что я, с моей репутацией, полезу в какое-то темное дело? И вообще... По закону, как тебе известно, я имею право говорить только в присутствии моего адво-

ката. Сейчас я звоню Нику Сикорскому, и пока он не придет, можете не тратить на меня время. Я подожду. И от кофе не откажусь, что-то в горле пересохло.

– Ну ты наглец. Я сейчас посажу тебя в камеру – ты там будешь дожидаться Ника. Я тоже по закону имею право задержать тебя на двадцать четыре часа без предъявления обвинения. Сейчас в участок тебя отвезем, и будет тебе там и кофе, и ванна, и какава с чаем. В этом тебе поможет непосредственно сержант Вудфорд. – При этом сержант не проронил ни слова, а его протокольная рожа не выразила никаких эмоций. – Ты понял?

– Чего ж не понять. Понял, конечно. Мое содействие, похоже, вам уже не требуется? Но мне думается, что информация, которой владею, может помочь вам при проведении расследования. Не так просто же вы приперлись сюда вдвоем. Либо беседуем по-нормальному, либо сажайте меня в свой обезьянник – и без адвоката слова не добьетесь.

И без того красноватая физиономия лейтенанта стала приобретать томатный цвет.

– Так ты препятствуешь расследованию? – лейтенант, казалось, обрадовался. – Ты слышал, сержант? Он открыто препятствует работе правоохранительных органов.

– Ничего подобного, лейтенант. Я говорю, что у меня что-то с памятью. Я тут работал как проклятый почти двое суток без перерыва, только заснул, как вы вломились. Еще не отдохнул и от усталости могу что-то забыть, а еще могу что-то

неправильно понять. Кстати, если посмотрите отпечатки на стороже, то найдете свои и Стентона. Моих там нет. А сейчас я звоню Сикорскому.

Проигнорировав недовольную физиономию лейтенанта, я демонстративно взял свой личный мобильник и позвонил Нику. Воспрепятствовать мне никто не мог. Я не был арестован и пока даже официально задержан не был. А хоть бы и был – два звонка мне полагались по закону. Про себя я молил бога, чтобы Ник не отключил свой смартфон или не оставил его где-нибудь. Бывали случаи. Он мне нужен был срочно, а ждать, пока он соизволит просмотреть сообщения, я не мог. С лейтенанта не убудет – он и впрямь мог засадить меня за решетку на сутки вместе с какими-нибудь бродягами. Не сказать, что такое со мной впервые, но почему-то больше мне нравился открытый городской воздух, чем атмосфера закрытого «обезьянника» в полицейском отделении.

Слава Создателю, Ник пребывал в одной точке пространства и времени вместе со своим мобильником. И не отключил его, как он иногда делает. Сначала слышались длинные гудки, потом вялый и какой-то хрипловатый голос Ника произнес:

– Алекс?..

– Да Алекс, Алекс. Слушай, Ник, у меня тут лейтенант Гибсон и сержант Вудфорд. Они настоятельно приглашают проехать с собой в участок для душевной беседы, а я предпочитаю говорить у себя и в твоём присутствии.

– А сейчас-то ты во что вляпался? Как обычно, в своем Темном Городе?

– Да я честен и невинен, аки младенец. Как обычно.

– Ясно, – ответил Ник.

Из динамика послышалось какое-то шуршание, и незнакомый женский голос протянул: «Ну, котик, еще долго? А то я сейчас...» Голос был молодой, нетрезвый и с акцентом. Потом стало тихо. Видимо, Ник прикрыл микрофон рукой. Через некоторое время разговор продолжился.

– Вот теперь я тебя слушаю, – снова послышался голос Ника, – можешь сейчас говорить? Нас слушают?

– Да, лейтенант и сержант рядом. – Если наш разговор и записывается (а это почти наверняка), Ник должен все понять. – Они очень любезны.

– Ясно. Ты там пока держись. Мне нужно минут тридцать, чтобы до тебя доехать.

– Ага. Если что, ты знаешь, где меня найти?

– Найду. Только пока без меня не говори там ничего лишнего, а то знаю я тебя. Ну пока.

С Ником я был знаком со студенческих времен. Потом он женился на моей бывшей жене и сделался почти родственником. А после его развода (с моей бывшей он протянул всего только шесть месяцев) мы стали настоящими друзьями. Как адвокат Ник был просто незаменим. Мало того, что он знал уголовное и гражданское право лучше, чем таблицу умножения, – он еще и следил за новыми законами, которые наши

законодатели принимали каждый год пачками. Знал он и те законы, что уже отменены, поэтому в полиции его, мягко говоря, недолюбливали, но уважали – боялись связываться.

– Позвонил? Все, – лейтенант был на взводе, и жажда деятельности его прямо-таки распирала изнутри. – Поехали.

– Еще один звонок, – потребовал я. – Имею право.

– Звони, но быстро.

Выбрав и запустив номер Эльзы, я долго слушал протяжные гудки. Однако сегодня был явно не мой день. Странно. Уж Эльза-то всегда отличалась в отношении личных средств связи педантизмом, граничившим с фанатизмом. Я помню один эпизод, когда я случайно поставил громкость вызова на «ноль». Так после, когда через какое-то время выяснилось, что куча звонков и сообщений остались без ответа, Эльза устроила отвратительный скандал. От тех слов, которые мне тогда пришлось выслушать, у меня до сих пор возникал холодок где-то внутри тела.

– Ну? Сделал свой звонок? Так, теперь ты задержан. Пока задержан. – К тому моменту я был уже одет: джинсы и водолазка на голое тело, а кроссовки – на голые ноги. Терпеть не могу надевать вчерашние носки. – Поехали. Сержант, примите у задержанного его смартфон и все, что имеется при нем. Да, сержант, у вас есть пакет? Упакуйте.

С этими словами лейтенант протянул сторожа сержанту. Тот достал из объемистого портфеля прозрачный пластиковый пакет, аккуратно взял устройство и упаковал его. Па-

кет закрыли электронной пломбой – теперь и время, и место изъятия улики зафиксировано. Пломба запоминает время фиксации и координаты с точностью до фута. Меня все это сейчас вполне устраивало. Мобильный смарт я положил на свой стол.

– А можно...

– Нет. Нельзя. Ремня нет? Шнурки... нет... металлические предметы... нет. Поехали, поговорим в участке. Руку давай.

Все мои телефоны и диск с информацией так и остались лежать на столе.

Сначала я решил, что меня везут в отделение. Но крупно ошибся. Полицейский джип выехал на проспект 12 Июня, потом, миновав несколько перекрестков и постояв в небольшой пробке, свернул на одну из боковых улиц и после недолгих маневров остановился перед невысоким серым зданием, всего в десять этажей. Здесь находился городской полицейский морг. Или – официально – Институт судебной медицины.

За время, проведенное на моей теперешней работе, я здесь неоднократно бывал. И обстановка этого унылого места была мне отлично знакома. С годами тут мало что менялось. Появлялось новое оборудование, новые холодильники, более удобные для персонала каталки, лифты и погрузчики, но общая атмосфера оставалась прежней. Даже запах не изменился.

Нас с сержантом оставили в широком и светлом вестибюле, где мы уселись на удобный и мягкий кожаный диван. Рядышком, как братья-близнецы – нас сковывали старомодные стальные наручники, – мы просидели десять минут. А точнее – десять минут, тридцать пять секунд. Крупные цифровые часы над входом висели тут всегда. Посетителей и вообще людей почти не было, только один раз прошел какой-то молодой человек лет двадцати двух – двадцати трех. Он на ходу бросил на меня странный и какой-то оценивающий взгляд. Так обычно смотрят на товар в супермаркете. Явно кто-то из персонала – парень ходил в зеленом комбинезоне и пластиковом фартуке. Наконец, что-то недовольно бормоча себе под нос, вернулся лейтенант с какими-то небольшими синими листочками. Это оказались пропуска для всех нас. Минув охрану и расписавшись в старом бумажном журнале, мы, в сопровождении молчаливого хмыря в зеленом халате, прошли коридор, поднялись на большом грузовом лифте на пятый этаж, опять прошли коридором и остановились перед дверью. Похожие двери всегда ставят в больницах и всяких научных учреждениях. Ничего лишнего – только стекло, металл, блестящий никелированный замок и номер «521». Густо покрашенное еще при изготовлении двери стекло почти не пропускало свет.

Помещение, куда мы все вошли, напоминало камеру хранения крупного транспортного узла – аэропорта, вокзала или чего-то подобного. Или мясохранилище некоего предприя-

тия общественного питания. С обеих сторон высились два огромных холодильника. С пола до потолка этажами поднимались герметичные квадратные дверцы – по двенадцать в каждом этаже. Шесть этажей. Посреди комнаты стояла каталка, аналогичная тем, что бывают в отделениях для тяжелых больных. На потолке загорались синеватые люминесцентные плитки, а окно закрывали плотные жалюзи.

По-прежнему не говоря ни слова, наш зеленый сопровождающий подогнал тележку к правому холодильнику, сверился со своей запиской, что-то включил, и горизонтальная лежанка стала подниматься вверх. Достигнув четвертого этажа, каталка замерла. Опять было что-то включено, дверцы одного из боксов раскрылись, оттуда выехало нечто и поместилось на каталку, уже ставшую похожей на приспособления, которыми пользуются ремонтники и маляры. Сооружение начало складываться и снова сделалось неотличимым от больничной каталки. Когда движение прекратилось, служащий морга жестом иллюзиониста откинул простыню, и я наконец смог разглядеть труп. Передо мной лежал старик лет ста или более того. Он был настолько худ, что тазовые кости грозились прорвать кожу. Кривые и тощие ноги напоминали бамбуковые палки. Ребра торчали наружу, а впалый живот, казалось, прирос к позвоночнику. Верхнюю губу и подбородок старика покрывала густая и белая недельная щетина. Грубый шов, стянутый крепкими толстыми нитками, начинался от самого низа живота, проходил по левой стороне

тела, пересекал туловище под горлом и симметрично спускался по правой стороне до самого таза. Судя по скулам, разрезу глаз и форме носа, старик был китайцем или корейцем, но вряд ли японцем. По виду он напоминал экспонат какого-то музея.

– ...твою мать! – вдруг взревел лейтенант, да так неожиданно, что я аж вздрогнул. – Ты чего достал? Это не тот труп, идиот.

Невозмутимо посмотрев на свои бумажки, работник морга молча пожал плечами и проделал все манипуляции в обратном порядке. Когда каталка опустела, наш гид, не складывая, перекатил ее к другому холодильнику и вывез новый труп. Повторилась прежняя сцена.

Как только простыня была откинута, лейтенант удовлетворенно крикнул и с довольным видом повернулся ко мне.

– Сержант, включайте диктофон. Работает? Нормально. Сегодня, – он назвал число месяц и год, – в девятнадцать тридцать пять в помещении номер пятьсот двадцать один Института судебной медицины проводится официальное опознание. Алекс Крейтон, вы узнаете эту женщину?

Дальнейшее было малоинтересно и вполне предсказуемо.

Камера, куда меня засунули, была и знакома и незнакома одновременно. Я здесь не был уже давно, с того самого светлого момента, когда муниципалы получили кучу денег на обновление, реформирование и перестройку. Никто теперь уже не скажет, куда и сколько средств затрачено, но ка-

меры временного содержания они обновили радикально. Теперь тут все покрыто каким-то мягким сверхпрочным материалом, не то пластиком, не то резиной – даже самый упертый суицидник не сумел бы разбить голову в этом месте. И – чистота. Как в морге. Однако запах остался прежний – смесь дешевой дезинфекции, невымытых тел и табачного дыма. Несмотря на категорический запрет на курение, дым от чьих-то сигарет просачивался постоянно. Кто и где курил, я не знал. Но курили много и неизменно – я не припомню ни одного отделения полиции Города, где бы не было такого запаха.

Как пояснил лейтенант Гибсон, пока временное задержание, а там уж как судья решит. Хорошо, что под рукой нет компьютера – сейчас бы такого понаписал, что не отважился бы потом прочитать даже сам.

Моими временными соседями оказались три мужика. Первый – одетый во что-то невообразимое парень лет двадцати. Он сидел, поджав под себя ноги, и, мерно раскачиваясь вперед-назад, непрерывно повторял:

– ...Аба-хаба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; аба-ха-ба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; хаба-хаба...

И так до бесконечности. Сначала меня эта мантра жутко раздражала. Я сам стал невольно долбить про себя: «Аба-хаба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба...», но потом опомнился и перестал. А спустя некоторое время привык и уже не замечал этого фона.

Вторым сокамерником был угрюмый субъект лет сорока пяти – пятидесяти с маленькими глазками на широкой смуглой физиономии. От него я так и не услышал ни единого звука. Может, он был немым, может, просто молчуном – кто его знает. Его куда-то увели примерно через час после моего появления.

Третий же являлся прямой противоположностью второму. Разговорчивый дядька лет тридцати – тридцати пяти, похожий на какого-то до боли знакомого французского актера второй половины прошлого века. Я сначала никак не мог вспомнить, на кого он смахивал. Что-то из детских воспоминаний, что-то из старых смешных комедий... Помнится, мои родители были большими поклонниками старого французского кино. У отца имелась огромная коллекция дисков с фильмами последней половины двадцатого века... А, вспомнил: Жан Рошфор. Вот как звали того актера. Этот «француз» подсел ко мне почти сразу.

– Привет. Тебя как зовут?

– Алекс, – нехотя признался я, – привет.

– Здравóво, Алекс. А я Марк Сайкс. Лучше просто Марк.

– Добрый вечер, Марк.

– Для кого как, для кого как. Для меня что-то не слишком добрый. Да и для тебя, я смотрю, – отметил Марк.

У него была потрясающая способность располагать к себе собеседника. Я даже подумал вначале, что он подсадной стукач.

– А ты как тут оказался? – разговорился я. – По виду такой респектабельный.

– То-то и оно, что респектабельный. Это моя работа – быть респектабельным. Вообще-то я тихий, мирный. Честный salesman – разъездной представитель. Наша фирма компьютерами торгует. Предлагаем товар по имеющимся образчикам, каталогам, проспектам. На нашем рынке знаешь какая конкуренция? Ты даже представить этого не можешь. Чуть что – прокол какой – все, прощай бизнес. Сомнут и обойдут. Работы – невпроворот. Я от Фриско до Владика мотаюсь. Через Европу, заметь. Скоро в книгу Гиннеса попаду, как коммис года. Чего меня сюда засадили – сам не пойму. Я же абсолютно честный. Честность – это, можно сказать, мои деньги. Я много раз в жизни убеждался, что правда меня спасает. Это мой самый лучший метод работы. Какая бы запутанная или секретная история ни была, если я вовремя говорю правду, то все встает на свои места. Главное – уметь этой правдой правильно управлять. А ты-то тут почему?

– Тоже не пойму. Двое суток работал под сторожем. Срочная работа. Вот чтобы никто не мешал, меня один знакомый под сторожа и посадил. У него – лицензия. А как сторож отключился, началось черт знает что, – я решил, что такая смесь вранья и правды будет в самый раз для этого уж очень разговорчивого парня, – копы пришли, наговорили про меня что-то сумасшедшее и засадили сюда.

– Во-во. Со мной – то же самое. Только меня в аэропор-

ту взяли. Как прилетел – будьте-нате. Я еще в Эн Вай, когда в терминал входил, каких-то типов заметил. Не то копы, не то безопасники – не поймешь. В штатском, но явно кто-то вроде копов. А уж в Городе, как вышел, сразу повязали – и на Петровку. Потом почему-то сюда перевезли. Ты только не признавайся ни в чем, все отрицай, тогда, может, и выберешься. И адвоката хорошего найми. У тебя адвокат-то есть? А то я знаю одного толкового малого, отмажет. Но дерет, сука, три шкуры. Эх, уметь бы в Темный Город уходить. Проблем бы не было.

– Ну я-то умею, а что толку? Да и адвокат у меня уже есть.

– Ты? Можешь в Темный Город уходить? Так какого дьявола ты еще тут паришься?

– А смысл? Ну уйду я. Меня и там модеры вычислят и найдут. Или админы, если уж дело такое. Я же везде засветился, как обратно-то вернусь? И куда? Слушай, а он хоть когда-нибудь отдыхает?

– ...аба-хаба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; аба-ха-ба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; хаба-хаба...

– А, не обращай внимания, – Марк махнул рукой. – Необуддист, что с него взять. Вообще-то он безобидный.

– А сюда как попал? – спросил я Марка.

– Без понятия. Не иначе кто-то на него настучал. Слушай, я вот что не пойму: раз ты можешь уйти, то и ушел бы, обеспечил себе защиту, а уж потом вернулся и действовал по обстоятельствам.

– Нет, так только хуже, уж поверь мне. Скажут, уходил – значит, есть чего бояться. А я... мне опасаться нечего, я чист.

– Ну смотри, дело твое, – Марк не стал спорить. – А знаешь, откуда пошло само название – «Темный Город»?

– Говорят, что первые попаданцы увидели там темный городской ландшафт...

– Это да, но есть и другая версия. Давным-давно, еще в прошлом веке, был такой фильм – «Темный Город». Сама история так себе и исполнение не очень-то, но кто-то из первых посетителей оказался коллекционером и пылким фанатом старых триллеров. А сюжет такой: один тип просыпается в каком-то неведомом отеле и вдруг понимает, что утратил свою память. Начисто. Потом он узнает, что обвинен в целой серии зверских убийств. Стараясь восстановить собственное прошлое, он сталкивается с малосимпатичной компанией неких персонажей, известных как «чужие», которые оказываются, естественно, инопланетянами. Где-то в космосе ими построен Темный Город, названный так потому, что там действительно темно – никогда не светит солнце. Эти самые чужие стараются взять в свои руки управление временем, а еще они каждую ночь меняют облик Темного Города, а также внешний вид самих его жителей. Короче говоря, один раз посмотреть можно, если больше делать нечего. Я видел отрывки в Музее кино. Слушай, а ты не расскажешь, что с тобой было-то? Заняться нам тут все равно нечем, не

мантры же читать.

– Хорошо, но условие: взамен будет твоя история, – сказал я. – По рукам?

Я всегда доверял интуиции. Это мое шестое чувство, дополнительная способность воспринимать окружающий мир в его действительности. И сейчас интуиция мне подсказывала, что Марку можно доверять и никакой он не подсадной и не стукач.

– По рукам, – обрадовался Марк. – Я же честный salesman, расскажу. Кто начинает? Бросим монетку? Если фейс, то рассказываешь первым ты, а если курица – то я.

Мы бросили монетку в десять центов, каким-то чудом оказавшуюся в кармане Марка. Видимо, копы ее просто не заметили. Монета упала вверх портретом президента.

– Давай, – сказал Марк, – ты первый. Повезло тебе.

– Думаешь, повезло? Ну ладно. Так вот, берусь я за все, что связано с компьютерными проблемами и Сетью. Сетевые трудности, правонарушения, какие-то поиски. Кому что надо. Комплексная реальность – это уже как приложение. То же заниматься приходится, поэтому в Темном Городе бываю часто и, можно сказать, регулярно. У меня официально есть все лицензии, какие надо. Ну, свой бизнес, короче. Маленький, но свой. Офис арендую в офис-центре имени Джорджа Сороса. А тут ценный заказ подвернулся... – в общем, рассказал я Марку свою историю от момента прихода Стентона и до сцены в морге. Рассказал без узловых деталей – ни имен,

ни названий фирм, ни ключевых фактов. – ...Откидывает он простыню, а лежит там тело молодой красивой девушки. Нашей офисной уборщицы. От самого горла, почти от нижней челюсти, через шею, грудь, живот и до лобка – глубокий и ровный разрез. Разрез незашитый, края разошлись, и местами оттуда выглядывало что-то светлое. Жуткое зрелище. Уж на что я привычный – всего насмотрелся, – но тут мне чуть плохо не стало. А лейтенант и говорит: «Узнаешь эту женщину?» Пришел я немного в себя и заявляю: «Да, – говорю, – узнаю. Наша офисная уборщица. Она и у меня убирала. И мусор уносила...» «А за что ты ее так? Да еще столь зверски? С особой жестокостью?» «Да ты что, лейтенант, – я аж взвился. – Она мне нравилась даже, я ей вообще ничего плохого сделать не мог». «Знаю, что нравилась, есть свидетельства твоих сексуальных домогательств». «Чего? Каких еще домогательств? – спрашиваю. – Да я только разок ей подмигнул...» «...на работе. Все зафиксировано, – завопил лейтенант. – Ты отпираться-то прекрати. Твое преступление уже доказано. И она была твоей любовницей». «Что за бред. Я не видел ее уже больше двух дней. И даже пальцем не трогал». «Ну, – говорит, – правильно, пальцем, может, и не трогал. На теле не выявлено следов твоих рук. Ее убили примерно двое суток назад. И убил ее ты. При прошлом задержании у тебя была снята генетическая карта. И она у нас есть. Так, слушай сюда – у нее во влагалище обнаружена твоя сперма. Твоя. Ошибка исключена, эксперты не ошибаются». Тут я совсем

прибалдел после этих слов. А лейтенант решил окончательно меня добить и говорит: «Недавно мужичка одного грохнули. Тоже в это же время примерно. Так в его левом внутреннем кармане нашли страницу контракта, тобой подписанную». «Страницу договора? – спрашиваю. – Копию?» «Почему, – говорит, – копию? Оригинал. Там на бумаге сохранились частички твоего эпидермиса. Экспертиза подтвердила. Его тоже ты прикончил?» «Это был мой клиент?» «Почему твой клиент? Твой, – говорит, – клиент жив и здоров, хотя он и не твой клиент. Но! Страничка, обнаруженная у этого трупа, был подписана не только тобой, но и твоим «клиентом», он уже опознал свою подпись, хотя отрицает факт заключения договора с тобой...»

– О, я знаю, кто ты. Алекс Крейтон, а твой клиент – Серж Стентон из VIP Service Consulting Limited.

4. Пол Жданов.

Доверительный разговор

Падения лифта все входящие в кабину боятся почему-то больше всего на свете, хотя происходит такое чрезвычайно редко. Любой пассажир этого обычного транспортного средства преследует одну незатейливую цель – достичь нужного этажа. А теперь задумайтесь: двигаясь вверх-вниз, в течение одного только года такой лифт, установленный в обычном офисном здании типа нашего, преодолевает в среднем десятки тысяч миль, перевозя тысячи тонн груза. Его двери открываются и закрываются десятки тысяч раз, и, как любое механическое устройство, лифт изнашивается, требует ремонта, наладки, а иногда и замены.

Из официального отчета комиссии, предназначенного для прессы и органов правопорядка:

«В среду на сороковом этаже основного здания из-за обрыва троса с большой высоты упала кабина лифта. Один пассажир вошел в кабину и нажал кнопку первого этажа, после чего лифт сорвался и пролетел вниз триста шестьдесят футов за четыре секунды. Система ловителей дала сбой и должным образом не сработала – затормозила падающую кабину только в районе четвертого этажа. Находившийся в ней пассажир почти не пострадал, только впоследствии по-

жаловался на боль в области левого колена. Пассажир охарактеризовал свои ощущения во время падения как крайне неприятные. Падение лифта на дно шахты исключено. Кабину удерживают три стальных троса, каждый из которых имеет двенадцатикратный запас прочности. Даже если их умышленно повредить, при увеличении линейной скорости движения кабины более чем на пятнадцать процентов сработают ловители – и кабина мягко сядет на клинья. Аварийный лифт обеспечивал сообщение между первым этажом и этажами с пятидесятого по сороковой, поэтому на четвертом этаже, где остановилась кабина, выхода наружу не было. Пассажир вызвал помощь по мобильному коммуникатору. Аварийная бригада приехала на соседнем лифте, остановила его рядом с застрявшей кабиной, открыла в ней аварийный люк и вызволила пострадавшего. По предварительным данным, во время спуска лифта был срезан флажок на фиксирующей шайбе каната ведущего шкива лебедки. В результате произошло раскручивание гайки, с вала лебедки слетел канатоведущий шкив, после чего оборвались сами тросы. Представитель администрации Лео Бернс заявил, однако, что система безопасности не сработала так, как она должна была работать, из-за редчайшего стечения обстоятельств. Очередная проверка лифта была произведена специалистами менее года назад, но после инцидента все лифты в здании будут проверены заново».

Впрочем, это открытая часть отчета, несколько адаптированный текст для всех желающих. Была еще и секретная часть, до которой я пока так и не добрался.

В момент срыва лифта я ощутил неприятный привкус горечи во рту, головокружение и слабость, но отделался легко – испугом и синяками, поэтому мне не нужна была ни госпитализация, ни медицинская помощь. Стараясь держаться спокойно, неторопливой ровной походкой я спустился на нашу закрытую парковку, сел в свою машину и поехал домой.

На другой день я был еще не вполне в норме. Везет тем, кто может пойти и сразу крепко напиться. Или еще как-нибудь сильно уделаться. А я вот только и могу, что бессовестно кого-нибудь обложить и с этого кайф сорвать. Ну в морду еще могу дать ближнему своему. Или дальнему. Но этим тут сейчас никого особо не удивишь, оттого и не интересно. Про то, как еще оттянуться: можно в малознакомую компанию завалиться или, наоборот, старым друзьям визит нанести. Одна беда – уехали все друзья-то. Кто студентам практику готовить, кто в отпуск, а кто и в командировку. Скучно это. Жара опять же, хоть самому в отпуск уходи. А рано, еще дела всякие, работа, всевозможные обстоятельства, ухода в отпуск не допускающие. Вот и думаешь, что кроме всяких «интеллектуальных» развлечений ничего такого на вечер не предвидится. Как там у Гоголя? Скучно на этом свете, господа.

Хотелось хотя бы немного отвлечься от своих рабочих

будней.

Недавно мне принесли несколько старых бумажных книг – фэнтезийные романы прошлого века. Я не знал, куда их деть, и оставил на своем рабочем столе. Вообще-то я вполне нормально отношусь к романам в стиле фэнтези и время от времени их даже почитываю, но фанатичным поклонником этого жанра никогда не являлся. Стоит мне узнать, что события раскручиваются в некоем выдуманном мире, где много колдовства, разной магии и прочих сверхъестественных причиндалов, мое сопереживание действующим лицам резко идет на убыль. Сразу же вижу, что возможности героев изначально выше, чем у обыкновенных мирных граждан, и что бы с ними ни приключилось, они из этого, скорее всего, вывернутся. Я не воспринимаю себя внутри такого произведения. Да, конечно, между персонажами из мира фэнтези случаются те же дразги, у них возникают такие же проблемы, что и в нашей реальной жизни, и порой даже неслабые эмоции проскакивают, но на мое отношение к жанру в целом это не влияет. Но вот когда герои книг, действие которых происходит в нашем мире, совершают безрассудные, странные, эпатажные, нешуточные поступки, это вызывает у меня яркий, экспансивный отклик. Ведь я отлично понимаю, что этих героев никогда не спасет прекрасная колдунья, им не придет на помощь мудрый волшебный старец, они не смогут найти заколдованный меч и им самим придется расплачиваться за последствия своих обещаний и поступков. В этом

случае я ощущаю в себе больше близости к книжным персонажам, а сами герои воспринимаются как по-настоящему живые, словно, выйдя из дома, я легко могу таких повстречать.

Но в реальной жизни все гораздо сложнее и кучерявее. Взять хотя бы ремонт на моем этаже. До сих пор содрогаюсь, как вспомню перестройку в своем отделе. До сих пор голова отказывается нормально работать, как только возвращаюсь мысленно к тем событиям. Денег, нервов и сил это стоило – немерено. Поскольку проект был засекреченным, шеф настоятельно рекомендовал отказаться от услуг нашего собственного строительного управления и посоветовал пригласить бригаду со стороны. В свою очередь я должен был организовать изоляцию рабочих от остальных помещений, обеспечив их всем необходимым – по легенде, ремонтировалось помещение для некоей частной фирмы «ЮниКод», которая якобы арендовала этаж у нашей конторы. Зря я его тогда послушал, ибо тут врожденное чутье Старика дало сбой. Первый раз на моей памяти. Но, слава богу, все уже позади, хоть и остались разные мелкие недоделки типа неработающей душевой, но это ничто по сравнению с тем, что было в процессе. Чтобы охарактеризовать тех, кто там работал, мне даже трудно подобрать цензурные слова. Опыта-то у меня в таких вещах не было, поэтому пригласили какую-то мелкую строительную фирмочку с заезжей бригадой. Главное, о чем я думал, – соблюсти секретность. Следить надо

было за всем, вплоть до пустяков, а то не так сделают и потом сам же будешь виноват. У меня так и произошло один раз, с проводами – заново переключать пришлось. Смету тоже надо было сразу оговаривать, а то меня выставляли по полной программе. Но самые веселые времена начались, когда эти криворукие гастарбайтеры стали переделывать сантехнику, причем столь «умело» и «качественно», что однажды слетел кран горячей трубы под давлением. Я-то работал у себя в кабинете и ничего не знал. Ну сорвало и сорвало, с кем не бывает. Но эти бандерлоги, вместо того чтобы сразу перекрыть воду, начали бегать и кого-то искать. Больше часа бегали. В результате пролило с моего этажа до самого нижнего. Потом аварийщики отключили в пострадавших секциях электричество до полной просушки, чтобы не замкнуло и пожар не начался. Полздания погрузилось во тьму, лифт тоже не действовал несколько дней. В итоге через полгода, после того как по договору офис уже должен был заработать, на этаже только подготовили стены. Само собой, все деньги, выданные вперед, у подрядчиков почему-то вдруг закончились, рабочие куда-то исчезли... И только после физического воздействия на прораба и бригадира строительство возобновилось, причем в ускоренном темпе: за месяц поставили все коммуникации и провели полную отделку. Кстати, воздействие оказывали не какие-то там преднамеренно привлеченные спецназовцы, а наши ребята, из моей группы. Потом, когда все постепенно наладилось, шеф предложил уста-

новить круглосуточное видеонаблюдение во всех помещениях моего отдела: в кабинетах, коридорах и даже в сортирах. Шеф взял меня, как руководителя подразделения, под постоянный контроль. Отныне все мои передвижения фиксировались, а о каждом внеплановом мероприятии я должен был заранее сообщать. Тогда же он озвучил свое желание забрать к себе мою секретаршу Ингрид. Все эти шефские инициативы почему-то оказались увязаны между собой.

Я отказывался как мог и саботировал эти его идеи по мере сил, но сегодня босс пришел ко мне самолично, в самом конце рабочего дня. Такого на моей памяти еще не случалось, чтобы наш шеф притопап сам, да еще и к своему подчиненному. Нет, это точно предвестник какого-то глобального события. Правда, что ли, конец света близится?

Шеф не особо церемонился и прямо с порога сказал: – Привет, Пол, да сиди, сиди, я на минутку. Наш сотрудник Карл Кеттлер – знаешь его? – Я кивнул. – Так вот, он подал мне на тебя докладную записку с требованием о материальном возмещении в сумме пять миллионов кредитов за незаконное, по его мнению, увольнение из твоего отдела. Формально ты его вытурил за посещение сетевых порноресурсов с рабочего места, так? Там что-то связано с детской порнографией?

– Ничего себе. Да, но вы же сами велели... Ну я и... Да присаживайтесь, босс, а то когда вы стоите, я как-то неловко себя чувствую.

– Спасибо, – шеф сел в кресло для посетителей, откинулся на мягкую спинку и вытянул свои длинные ноги. – Однако Кеттлер заявляет, что болезненное пристрастие к сетевым ресурсам «для взрослых» у него развилось якобы на почве стресса, после того как он стал свидетелем гибели своего друга во время всем известных событий.

– Да знаю я эту его историю. По уверению Кеттлера, он вроде бы проходил психологическое лечение, что дает ему право обвинять нас в нарушении закона об инвалидах. Его увольняют, видите ли, не ознакомившись с медицинским заключением. Правда, никаких документов на эту тему он пока так и не предоставил. Его адвокат, ясное дело, настаивает, что в нашей организации с его клиентом должны были обходиться так же, как с сотрудниками, страдающими наркотической зависимостью, полученной в процессе работы. Им же полагаются восстановительные программы, льготы разные, бонусы всякие. Кроме того, Кеттлер обвиняет лично меня в дискриминации по возрастному признаку: он проработал в конторе в общей сложности двадцать пять лет и давно уже должен был выйти на пенсию. И что мне теперь с этим Кеттлером делать?

– С ним? Да ничего специального не делай. Оставь пока все как есть, а я его потом на медкомиссию пошлю. Вот и уволим по профнепригодности, пусть получает свою пенсию. Кстати, ты уже получил кредит на квартиру? Вернешь эти деньги, когда тебе это будет удобно, вместе с текущей

квартплатой. Она возросла с начала месяца, ты в курсе?

– Что? – спросил я, даже встал от неожиданности. Резкий переход сбил меня с толку. То была одна из любимых шефских примочек – внезапно и резко менять тему и предмет разговора.

– Я же сказал, – невозмутимо изрек Старик, – вернешь кредит вместе с платой за квартиру, в которой ты сейчас живешь. Ты и твои бабы. Сколько их у тебя, кстати, на текущий момент?

– Извините, но какое вам... Почему вас так заинтересовала моя квартира и моя личная жизнь?

– Разве мистер... э-э-э... разве управляющий не сказал тебе, что весь тот дом принадлежит нашей фирме? Конторе? – Старик посмотрел на меня почти добродушно. – Ты что, разве не знал? Очень жаль.

– Впервые об этом слышу... – огорченно промямлил я.

– Да, жаль, очень жаль, – повторил шеф. – Это был большой недосмотр с его стороны.

– Вот, значит, вы как, да? – я через силу делано засмеялся и сел в кресло. – Ясно. Так это была такая ловушка? А сама идея кому принадлежит? Вам?

– К чему такие громкие слова, Пол? Буря эмоций... ну зачем? У нас сейчас доверительный разговор, поэтому давай откровенно. Когда из бытового отдела сообщили, что ты живешь в стесненных условиях и находишься в несколько затруднительном финансовом положении, я дал указа-

ние предоставить тебе квартиру. Я к тебе очень неплохо отношусь, поверь, действительно неплохо. Поэтому надеюсь оставаться с тобой в нормальных деловых отношениях. Материальное содержание тебе значительно увеличили, а работа твоя не должна страдать из-за всяких разных житейских проблем и бытовых неурядиц. Не так ли, коллега? Но коль скоро ты теперь начальник отдела и наши служебные отношения вступили в новую, так сказать, фазу...

– Можете дальше не продолжать, – усталым голосом сказал я. – Сколько моя квартира теперь будет стоить в месяц? Или мне придется выметаться к чертям собачьим? Переселяться отсюда?

– Я, знаешь ли, в такие мелкие бытовые детали никогда не влезал, – шеф встал и подошел к моему столу, – это нужно уточнить у моего зама по быту сотрудников. Около двух тысяч кредитов, полагаю. Не знаю, не хочу врать. Впрочем, со всем встроенным барахлом это будет несколько дороже. Не знаю, честно говоря, просто не знаю...

– Как ловко вы меня сделали, – сквозь зубы изрек я, глядя пустыми глазами в свое ложное окно. – Элегантно. Впрочем, так и надо обходиться с дураками.

Я почему-то надеялся, что Старик сейчас уйдет. Однако уходить он не торопился. Заметив на моем столе бумажные книги, он взял ближайший к краю том и как-то задумчиво сказал:

– Ты не дурак, Пол, совсем даже не дурак. – Он рассеян-

но разглядывал обложку старого романа, что вертел в руках. Шеф бросил книжку обратно на стол и продолжил: – Просто ты, к моему глубочайшему сожалению, принадлежишь к той практически вымершей людской категории, что готова искалечить жизнь как себе, так и другим ради призрачной возможности сделать один-единственный красивый жест или совершить эффектный поступок. Зачем? Это просто неразумно. Глупо, я бы сказал. И опять же по поводу установки у тебя видеонаблюдения. Почему тянешь? Чего боишься? Чего добиваешься? Хотя в данном конкретном случае это, пожалуй, не просто красивый жест это, скорее всего, уже и в самом деле великая глупость с твоей стороны. Меня действительно удивляет, что ты, с твоими мозгами, не способен увидеть разницы между, скажем, тем, чтобы выступить посреди улицы с чтением похабных анекдотов или рассказать те же самые анекдоты веселым девочкам с глазу на глаз. Я же не предлагаю выставлять смысл и методы твоей работы для всеобщего обозрения. Понимаешь, да? Одним словом, я не теряю призрачной надежды, что в здравом размышлении ты согласишься на это дело как-нибудь более рационально. Во всяком случае, прошу не забывать, что мое предложение пока остается в силе, – шеф интонацией подчеркнул слова «мое предложение» и выразительно кивнул на дверь, за которой сидела Ингрид. – И, зная тебя, зная, что ты – хороший специалист, я готов предложить тебе гораздо большую зарплату. Я никогда не сорил деньгами, но никогда и не жалел

их на настоящие дела. В данном случае я предлагаю пятьдесят тысяч в месяц – я увеличу твою персональную надбавку к окладу. Ну а другую секретаршу мы тебе подберем, не вопрос. Мой личный номер у тебя есть, если надумаешь – сообщи.

Старик потер рукой бугристую лысину и пошел к выходу – высокий, суховатый, похожий в своем черном, чуть старомодном одеянии на учителя-пенсионера. В дверях он обернулся:

– Мне от всего сердца тебя жаль, Пол, – медленно прокрипел он на пороге, почти благодушно взглянув на меня. – С твоей головой и твоими способностями ты уже через год легко смог бы стать звездой первой величины в нашей конторе. Но для этого, разумеется, пришлось бы отказаться от красивых жестов и разных резких телодвижений. Донкихоты сейчас уже не в моде, знаешь ли, давно не популярны как-то. Причем везде, где бы они еще ни водились, – в сражениях, в работе или в политике. Или – в Службе информационной безопасности. В наш прагматичный век госпожа Удача расставляет ноги только для реалистов. Подумай, мне действительно очень жаль, что с тобой все получилось так нехорошо и коряво. Ну пока. Всего доброго.

Шеф ушел. Я встал, запер за Стариком дверь и уселся за свой стол, нервно дыша от ярости и бессильной злости. Потом снова встал и вышел в приемную. Ингрид не было – куда-то вышла, и это хорошо, а то стала бы меня жалеть. За-

бавно. Чертовски все забавно в этом мире. Мы так лезем в чужие души, а в свою не пускаем.

Мы грубо гоним от себя сострадание, такое унижительное сострадание, но сами удивляемся, когда нам сочувствуют. Ненавижу, когда жалеют, это чертовски унижительно, поэтому сам никогда так не делаю.

– Старый пень, дерьмо собачье, – выругался я вслух и от души.

Подойдя к кулеру с водой, наполнил стакан и заметил, как предательски дрожит моя рука. Пузырьки в стакане с шипением поднимались вверх и лопались на поверхности. Надо будет отключить газирование.

– Вот ведь сволочь, – еще раз выругался я, глядя на молчаливый кулер. – Ну и трахайся со своей удачей, старый козел...

Стакан ледяной шипучки немного меня успокоил. Я присел на край кресла и принялся грызть авторучку, стараясь не думать о Старике. На таких вот типах и держится все наше общество, черт его побери. Есть хорошее правило: если твой начальник – последняя сволочь, никому об этом не говори, а лучше дождись, когда это скажет кто-нибудь другой, сам тогда и расскажешь начальнику.

Я вытянулся в кресле, положив ноги на край стола. Да, надо срочно что-то придумать. Ингрид будет, мягко говоря, огорчена таким поворотом событий. Как она говорила? «Мне приятно у тебя работать, потому что ты никогда не

смотришь на меня как на дармовую публичную женщину». А я должен поступить с ней именно как с проституткой. Девушка, конечно, так просто не сгинет, не та личность, но пойдет по рукам, как это регулярно случается с некоторыми секретаршами, а жаль – классная она телка. С ее специальностью и при ее способностях нужно обладать еще и огромной силой воли, ну или, разумеется, какими-то мощными связями и большим личностным капиталом. А что у нее есть, у Ингрид? Да ничего, кроме сексуально озабоченных мужиков на каждом шагу. Ну получит она диплом в будущем году, окончит свою Юракадемию, а что толку? Для нее все только начнется, и придется долго и упорно прогрызать себе дорогу в этой паскудной жизни. Впрочем, что об этом сейчас думать, теперь-то уж я ничего сделать не смогу. Или смогу? А вот раньше смог бы? Конечно, были бы возможности. Вот и очередная проблема морально-нравственного порядка...

Через полчаса раздался сигнал, и я машинально взглянул на время. Кто-то срочно возжелал меня лицезреть. Я встал, вышел в свой кабинет, подошел к внешней двери, открыл ее и увидел перед собой старую секретаршу директора.

– Добрый день, Пол, – уверенно произнесла она, – простите за беспокойство. Шеф велел передать вам вот это, только лично и без свидетелей...

Она стеснительно отдала мне исписанный корявым почерком листок и, встретившись со мной глазами, опустила руку. То была моя собственная записка. Вернее – ее копия с

пометками и комментариями Старика.

Сразу же полезли воспоминания. Как-то давно был период, когда я вместе со своим тогдашним другом – психиатром Стивом Дэвидсоном – тренировался в технике нейролингвистического программирования чужого сознания. Просто так, чтобы испытать себя, ну и для дела, естественно. Надавлив на нужные точки разума, можно заставить всякого человека лить слезы, смеяться, уйти в депрессию, а в надлежащее мгновение – принудить кричать от восторга, ненавидеть что угодно, а потом признать то, что он всю свою жизнь активно отрицал. И, что меня особенно тогда поразило, можно заставить выполнять любую чужую волю. Таким образом я тогда подготовил ряд личных агентов, которые контактировали только со мной и ни с кем другим. Плата поступала сообразно отчетам – в зависимости от их объема, информативности и полезности.

Своих протеже я распихал в самые разные структуры в зависимости от занятий и личных пристрастий, но всегда туда, где проходят мощные информационные потоки. Техника техникой, но старыми добрыми приемами, известными с глубокой древности, пренебрегать тоже не стоило.

Часть агентов постепенно куда-то пропали – кто погиб, кто умер по «естественным» причинам, а кто превратился в «овощ» и пополнил контингент психиатрических отделений для хроников. Но несколько человек остались, что называется, «в строю». Их я тщательно охранял и опекал, причем

все они понятия не имели, на кого работают, – знали только, что на кого-то важного и влиятельного, а щедрая оплата их занятий спасала меня от излишней любознательности с их стороны.

На следующий день пришлось развить бурную деятельность. В полиции ни друзей, ни хороших знакомых у меня уже не осталось, были только плохие знакомые. Всех хороших под разными предлогами уволили, или они ушли сами, а кое-кого вынесли вперед ногами.

Ну так уж получилось – совпало так, что все мои друзья в ту пору были умными и порядочными людьми. Но один патрульный до сих пор мне был сильно благодарен за то, что я вытащил его из мутной и безобразной истории, в которую он попал по собственной глупости. Меня лично он не знал, имени моего никогда не слышал, но понимал, что есть некто, кому он обязан всем, и периодически я мог получать от него ту информацию, что не проходила по каналам связи. Сплетни, байки и слухи, но временами – закрытые данные. Очень часто даже простой треп содержал бесценные зерна истины, что при всей нашей мощи никак не получалось добыть обычными путями. Однако этим информационным каналом я не злоупотреблял – берег его.

Подготовить сообщение для Гаспара, как я шифровал своего человека в полиции, нужно было так, чтобы никто посторонний ничего бы не понял. Гаспар славился своими внебрачными детьми и никогда не принадлежал к обществу

трезвенников. Кроме того, он был страшный обормот и мог по безалаберности оставить мою записку где угодно.

«Слушай, ты. Когда мне долги вернешь? Меня интересуют алименты за ТРИ последних месяца, а чека от тебя что-то не видно. Напоминаю, если ты забыл. Паула».

Паулой был я. Получив это сообщение, Гаспар поймет, что к чему, соберет все необычное, что слышал за последние три месяца, и переправит мне. Или сообщит, кто ведет наиболее интересные дела. Это уж он сумеет сделать.

Письмо от Гаспара пришло через двадцать четыре часа. Это была короткая записка, содержание которой ничем не отличалось от любого такого же письма затюканного жизнью мужика, давно уже не тоскующего по своей бывшей любви:

«Паула, дорогая, буэнос диас. Рад слышать твой голосок. Как ты? Все поправляешься? Как наша малышка? А твой ма-чо? Все еще пьет? Привет ему от меня. Я не смог вовремя перевести деньги, уж извини. Занят был по самое это самое. То лейтенант Гибсон припашет, то сержант Димовски что-то для меня придумает. И все за два последних месяца. Извини, дорогая, но пока только часть суммы. Остаток – через две недели. Ну пока, моя Пышечка. Твой Птенчик».

Ага. Значит, лейтенант Крис Гибсон и сержант Грегори Димовски занимаются чем-то для меня интересным. Причем времени у первого два месяца, а у второго – всего две недели. Забавно.

Другие мои информаторы действовали кто в СМИ, кто

в службе досуга, кто еще где. На тот момент интерес для меня представляли пятеро. Кроме Гаспара еще оставались: Сильва, Уллис, Гарри, Пейдж и Санх. Им всем я разослал почти одинаковые шифровки, в переводе выглядящие примерно так:

«Узнай, что криминального сейчас происходит в твоей среде. Интересуют только особо скандальные дела, исключительно те, что зацеплены полицией, но еще не дошли до суда».

Сильва, или, как называли ее подчиненные, Мадам, заведовала крупной сетью частных предприятий службы интимных услуг, и ее авторитет в этой деликатной сфере бизнеса был непререкаем и исключительно высок. Свою репутацию как основу личного благосостояния Мадам сама выстроила по кирпичику собственными руками и ценила необыкновенно. Ее красивые, большие, удобные и элегантные (хоть и публичные) дома всегда были полны гостей. Особенную популярность они снискали тем, что по желанию клиентов предоставляли сертификаты безопасности и качества обслуживания, а также письменную гарантию отсутствия всяких средств наблюдения и прослушивания с печатью и собственноручной подписью Мадам. Людям это нравилось. Но никто не давал никаких обязательств, что уже потом, после посещения этого райского уголка, клиенты не станут объектом чьего-то пристального внимания и наблюдения. Посетителями домов мадам Сильвы были как одинокие скучающие

мужчины и богатые респектабельные дамы, так и пресыщенные долгим браком супружеские пары, суетливые старички и нервные прыщавые юнцы с невымытыми волосами, жадными глазами и потными руками.

Уллис возглавлял один из престижных гламурных глянцевого журналов и года два назад часто мелькал в сводках новостей, регулярно оказываясь на разнообразных светских вечеринках и официальных приемах. Он отлично знал, кому и за что достаются должности главных редакторов, причем знал это не понаслышке. Он многое мог поведать о наркотиках и авторских правах, о том, как стать богатым и знаменитым, а также о том, сколько и на чем зарабатывают издатели, и о том, что и для кого нужно сделать, чтобы кем-то стать в этом мире. Сейчас его стало почти не видно и не слышно, но он по-прежнему главный редактор и по-прежнему его знают практически все. Ни для кого не секрет, что до того, как он отовсюду исчез, характер у него был гораздо более гадкий, чем теперь. И хотя всевозможных журналов в настоящее время развелось великое множество, существует всего несколько десятков издательских домов, у которых имеется по пять-шесть действительно популярных проектов. Их тусовка непрерывно мигрирует, люди переходят из одного издательства в другое, и тусовку эту весьма занимательно наблюдать со стороны. Их мир очень разнообразен, специфичен и изменчив, там вечно кипят африканские страсти и расползаются потрясающие слухи. Но слухи и страсти – для

избранных, для тех, кто в теме. Мне всегда было интересно узнавать людей из другого мира, тех, кто лично мне неизвестен, и Уллис здесь был просто незаменим. В свое время я доказательно поймал его на неоднократной продаже одного и того же материала разным изданиям. Казалось бы – чего проще? Вполне очевидное жульничество. Сами издатели должны ловить своего служащего на столь нелояльных действиях. А вот поди ж ты. Уллис всегда ловко подставлял кого-то вместо себя или на что-то переводил стрелки, поэтому регулярно выходил сухим из воды.

Гарри – лидер одной из влиятельных криминальных группировок, или, как теперь принято говорить, влиятельный альтернативный бизнесмен, – знал много такого, что никогда не доходило до ушей федеральных служб. Даже при современных возможностях мы были бессильны, если информация изустно передавалась в лесу, или под землей, или еще в каком-нибудь глухом, скрытом от посторонних глаз и ушей месте. Официально Гарри являлся владельцем крупной сети супермаркетов. Ранее был судим за злостное уклонение от уплаты налогов: другие обвинения доказать так и не удалось. Его группировка через какое-то время даже снялась с учета в полиции и недавно легализовалась вполне официально, став частью истеблишмента. Гарри любил отдыхать в шикарном ресторанах, элитных ночных клубах и в саунах с супердорогими девочками. Коллекционировал картины, антикварные автомобили и бриллианты. Мне было хорошо известно, что

всего месяц назад по его приказу взорвали загородный дом другого именитого авторитета – его конкурента. Тоже коллекционера картин и бриллиантов. Гарри считал, что работает на самого президента, поэтому чувствовал себя довольно уверенно. Я не стремился его разубеждать.

Агент Пейдж – старый, ушедший на покой мультимиллиардер, единственный из всех, кто трудился на меня просто так, от скуки и из любви к искусству, ибо ни в деньгах, ни в тайном покровительстве особо не нуждался. Имея квартиру в пентхаусе небоскреба с круговым обзором, он мог в свой огромный телескоп, снабженный самой современной записывающей аппаратурой, заглядывать в окна и обозревать значительный сектор города. Обычно собранная им информация была малоинтересна, но иногда, очень редко, попадались презабавные и весьма ценные эпизоды.

Что касается Санха, то он – высокопрофессиональный актер – как мифический Протей, мог принимать любой облик. Санх становился кем угодно и мог оказаться в любое нужное время в любом нужном месте. Ну не совсем в любом, но в том, куда хоть теоретически способен попасть человек с улицы. Санх всегда отличался эксцентричным поведением, объясняя свои странности легким психическим расстройством: «С раннего детства меня преследовали удивительные вещи, что-то вроде галлюцинаций, но это все началось еще задолго до наркотиков». Помноженные на многолетнюю наркоманию, эти «галлюцинации» превратили его, одного из са-

МЫХ удивительных и талантливых из ныне живущих артистов, в рекордсмена по количеству арестов, судов и прерванных курсов лечения. Этим же при желании можно объяснить многие из его «паранормальных» способностей.

Все эти замечательные люди пока безмолвствовали, однако их молчание еще ничего не значило: хоть и не сразу, но отвечали они всегда.

5. Алекс Крейтон. Кто подставил кролика Роджера?

– Про тебя в газетах вчера писали. Даже в бумажных, – обрадовал Марк. – Парень, у тебя реальные проблемы.

– Вот и лейтенант выразился в том же духе, – вяло отметил я.

– Ну давай исходить из постулата, что ты ни в чем не виновен...

– Спасибо, – с хорошей долей сарказма поблагодарил я своего собеседника.

– ...иначе просто неинтересно, – невозмутимо продолжал Марк. – Чего-то твой адвокат не торопится. Ладно, подумаем сами. Допустим, что тебя кто-то подставил.

– Как кролика Роджера?

– Шутим? Хорошо, что еще можем... – Марк вдруг задумался. – Так вот, если тебя подставили, то сделали это те, кто имеет доступ к твоей личности. И к твоему телу. Живому пока. Этот твой клиент из «ВИП Сервис Консалтинг Лимитед». А ты знаешь, что такое «ВИП Сервис»?

– Ну это та фирма, где работает Стентон, – сказал я. – Консультационно-информационный центр такой, продающий разную информацию.

– Да, но это только небольшая часть их бизнеса, – сказал

Марк. – Я с ними немного сталкивался по работе. Они еще занимаются созданием имиджа клиента, будь то человек или фирма. Кроме того, они продают эскорт-услуги и еще кое-что.

– А, знаю, знаю. Когда бизнесмену или богатому боссу скучно и грустно и спать одному страшно, а едет он куда-то далеко от своего дома, так ему дают в пользование шикарных девок, выполняющих любые пожелания сексуального характера.

– Так, да не так, – возразил мне Марк. – Вернее, не все так просто. Эти девушки часто весьма образованны, знают прикладную психологию, медицину, вполне качественно умеют делать массаж, многие из них владеют рядом языков, имеют профессиональные навыки секретаря и референта...

– Угу. А еще – ученую степень по проституции, – съязвил я.

– Это – само собой... А ты хоть представляешь, какие деньги там крутятся? А информация? А компромат? Нет, тут что-то не то. Для начала вспомни, где последнее время ты мог терять сперму?

– Только со своей девушкой, больше нигде, – сказал я печально и тихо. – Я же ей верен был. Последние года два – точно. И не потому, что так уж влюблен, а просто некогда другую искать. Да и лень, если честно. И потом, мы всегда презервативами пользовались. Вот последний раз она ко мне в офис приходила...

– Ну ты прямо ангел без крыльев, – Марк невесело усмехнулся. – А дни вспомнить можешь? Знаешь, я читал какой-то журнал по судебной медицине, и там была статья про некоторые такие экспертизы. Так вот, как я понял, состав спермы немного меняется в зависимости от самых разных причин. Оргсканер на себе носишь? Он у тебя есть?

– Где-то валяется. Не, не ношу.

– Ну что ж ты так. Необходимая вещь. А вдруг с тобой что случится? Или чем-то отравишься? Как узнать, чем и когда? Только по записям оргсканера. Нет, это ты зря. Оргсканер всегда на себе нужно носить. Ты молодой еще, не попадал в сложные ситуации...

– Попадал, – возразил я. – Да и не очень-то я и молодой. Уже.

– Тем более, – произнес Марк. – Сколько тебе?

– Тридцать без малого.

– Ну а мне – на шесть лет больше. Так что учись у старших, пока еще возможно это делать бесплатно. Да, и вот еще. Для твоего адвоката. Пусть проверят образец на наличие силикона.

– А-а-а... – я начинал понимать, что имеет в виду Марк, – ты думаешь...

– Понял, да? Ты куда использованную резинку выкинул? В мусорную корзину? В офисе? Вот тебе и зацепка.

– Подожди, ты хочешь сказать...

– Ты пораскинь мозгами, – вразумлял меня Марк, –

вспомни все свои действия за последние дни, а потом сопоставь факты. Да, и лучше всего будет эти данные адвокату передать. Все, что вспомнишь и надумаешь. У меня ощущение, что мы выйдем отсюда в разное время. И, возможно, в разные места. Запомни мои адреса в Темном Городе, в Сети и в реале. Может, еще и пригодятся. И свои мне дай.

Адресами мы обменялись.

Дальнейшая наша беседа с Марком не носила уж очень конструктивного характера – большей частью обычный треп. Я уж забыл, сколько времени заняла эта болтовня, но недолго. Вдруг щелкнул замок и появился полицейский охранник. Такой же красномордый, как и большинство его коллег.

– Крайтон! – заорал он. – На выход, с вещами.

– Крейтон, с вашего позволения, а не Крайтон, – поправил я. – И вещей у меня нет.

– На выход! – надрывался охранник.

– Алекс, – Марк махнул мне рукой. – Ну, удачи.

– Спасибо, Марк. И тебе. Увидимся.

– Тихо всем, – одернул нас охранник, – не разговаривать.

На выход, быстро.

– ...аба-хаба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; аба-ха-ба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; хаба-хаба...

– Молчать! – охранник совсем озверел и употребил краткое нецензурное слово, обозначающее женщину, извлекающую материальную выгоду своими беспорядочными интимными услугами.

– ...аба-хаба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; аба-хаба, хаба-хаба, хаба-хаба, аба-хаба; хаба-хаба... – продолжал необуддист.

Далее последовало несколько тупых ударов резиновой дубинкой, и бесконечная мантра прервалась.

Сначала я подумал, что мы идем на допрос или Ник наконец-то проявил себя как мой адвокат и меня сейчас выпустят. Но нет. Сразу за дверями ждал какой-то неразговорчивый человек в штатском, который отвел меня к стоявшему во дворе автомобилю. Мы сели и поехали.

– А мы куда? – с надеждой спросил я своего молчаливого сопровождающего.

– ...

Получив в ответ красноречивое безмолвие, я уже ничего не спрашивал, а только смотрел. Мы вывернули на верхнюю эстакаду Садового кольца и поехали в сторону развязки Калужской площади.

«МВД, ГСБ или ФСИБ?» – думал я.

Но мы свернули в сторону проспекта 12 Июня и поехали на юг.

«Или ГСБ, или ФСИБ», – сократил я список возможных спецслужб.

Миновав площадь Гагарина и пару крупных перекрестков, мы повернули на улицу Крупской.

«Ага. Значит, все-таки ФСИБ. Ну, могло быть и хуже».

ФСИБ – Федеральная служба информационной безопас-

ности – была самой вменяемой из спецслужб. В отличие от неадекватного АЭБ (Агентства экологической безопасности), карикатурного ККД (Комитета контроля над демократией), который все называли в разговорах не иначе как «Какаду», страшного своей некомпетентностью ГУПЧ (Главного управления по правам человека) и геронтологической ГСБ (Государственной службы безопасности), давно уже ничем не занимающейся, кроме аппаратных игр и сокращения штатов, полиция, армия, АТК (Антитеррористический комитет) и ФСИБ были реальной властью.

Новая штаб-квартира ФСИБ построена в самом современном стиле на месте снесенного квартала. С виду – обычное офисное здание. Может, отель, может, деловой центр или какое-то учреждение. Но какое? Вывески в наличии не имеется. Что поделать, здесь оживала старая традиция – не вешать вывески на двери спецслужб.

Мы въехали в превосходно охраняемый двор, вышли из машины, и мне жестом было предложено следовать за безмолвным сотрудником.

Кабинет, в который мы вошли, был мне незнаком, но человека, сидящего за столом, я прекрасно знал. Пол Жданов, мой старинный приятель. За то время, пока мы не виделись, Пол заметно располнел, начал лысеть и стал похож на голливудского актера средней руки. Его щеки покрылись аккуратно подстриженной щетиной, как будто он не брился несколько дней, а взгляд сделался совсем тяжелым и цинич-

ным. Когда-то мы были хорошими друзьями, но его работа не очень-то способствовала приятельским отношениям. Последний раз, когда я с ним сталкивался, он руководил группой в аналитическом отделе этого ведомства. Но время прошло, и последние годы мы встречались редко, а самые последние – не виделись вообще, о чем я нисколько не жалел. Судя по размерам кабинета, Пол сделал себе неплохую карьеру. О его занятиях я имел самые общие и довольно смутные представления. Сейчас Пол выглядел неважно и казался утомленным и измученным, как будто не спал несколько суток.

– Алекс! – радостным голосом закричал Пол. – Заходи, дружище, садись. Ну привет, привет, старый развратник. Сколько лет?

– Чего «сколько лет»? – активно «не понял» я. – Добрый вечер.

– Сколько лет не виделись? – уточнил Пол. – Ну не дуйся ты, черт тебя побери, все уже позади. Если договоримся, конечно. Давай, располагайся. Рассказывай, куда тебя занесло на этот раз.

Огромный кабинет Пола подавлял посетителя своим интерьером. Собственно, никакого интерьера практически не было. Пустой рабочий стол, кресло за столом и стул для «посетителей». Окна нет совсем, только серые стены. Ни новомодных видеообоев, ни светопотолка. Потолок – обычный бетонный, такого же серого, как стены, цвета. Тем не менее

что-то в этой серой комнате так давило на сознание, что, казалось, причиняло физическую боль.

– Три года мы не виделись, – раздраженно сказал я. – Слушай, хватит, а? Ты, я думаю, в курсе всех моих дел. Я устал, только что из предварилочки и к тебе не на чай заглянул.

– О, хорошая идея, – он нажал какую-то невидимую кнопку на столе и сказал: – Ингрид, будь любезна, сделай нам два чая... Нет, горячего, заварного... Один – без сахара – для меня, а второй с двумя ложками. Чай «Ахмад», высшей категории, ручной сборки этого года. Крепость – двадцать и семьдесят пять соответственно. И еще что-нибудь перекусить к чаю... Да, подойдет. Спасибо.

– Мой любимый? – к горячему заварному чаю приучил меня именно Пол. До него я пил только айс ти. – Не забыл?

– На память пока не жалуюсь. Ну? Сейчас принесут... – В дверь постучали. – Ого. Уже? Входите.

Но то был не чай – даже в этом ведомстве так быстро чай не приносят. Вошел давешний мужик и тихо что-то сказал на ухо Полу. Я ничего не смог расслышать, как ни старался. Интересно, почему они не пользуются связью и телекомом? Боятся прослушки? Сами у себя? Да, есть о чем подумать.

– Чего? – Пол тихим голосом никогда не отличался и к безмолвию не стремился. – Какого черта ему от меня надо? – Мужик продолжал что-то шептать на ухо. – Ну уж нет. Это его трудности. Пускай ему выдадут пропуск, и я с ним сам поговорю... Сюда, ничего страшного. Пусть прямо ко

мне проходит. Так, – Пол посмотрел на меня, – сейчас явится один наш общий знакомый, и мы немного побеседуем. Недолго, я постараюсь от него быстро отделаться, а вот потом уже спокойно поговорим.

– А это кто? – спросил я.

– Сейчас. Ты пойми, что этот чувак в своем праве, – Пол вдруг заговорил тихо и преувеличенно спокойно. – Формально я не имею возможности ему отказать. Я даже обязан оказать содействие. Но! Наша служба обладает приоритетом перед их конторой, поэтому он может оспорить мои действия только по начальству. А начальству все это на фиг не надо. Так что не дергайся, расслабься, и главное – не говори при нем ничего лишнего. Понял? Да, войдите.

В кабинет буквально ворвался лейтенант Крис Гибсон.

– Слушайте, полковник, – «Ого, Пол уже полковник», – отметил про себя я, – вы не имеете права! Это произвол. Он, – лейтенант ткнул в мою сторону толстым пальцем, – мой задержанный.

– Успокойтесь, лейтенант, и не кричите так. Вы не хуже меня знаете, что право я имею. А раз уж я перешел вам дорогу, то, значит, имел на то и право, и желание, и необходимость. Если у вас какие-либо претензии – пишите рапорт по начальству, а мне не мешайте. Что-то еще?

– Да! Все знают, что вы с вашим начальником – старые университетские приятели и женаты на сестрах, – вопил Гибсон. – Он никогда ничего против вас не сделает.

– Лейтенант, уверяю вас, что мой босс – профи, и вам это отлично известно. Дело для него – превыше всего, даже личных отношений. Поэтому не отнимайте у нас время. И не беспокойтесь: вы получите самый подробный и полный отчет. Не первый год работаем. Чаю хотите?

Но лейтенант чаю не хотел. Он намеревался еще что-то произнести, но передумал, и его помидорная физиономия исчезла за дверью. Как только полицейский ушел, Пол повернулся в мою сторону и долго молча смотрел на меня.

– Что? – мне эта его психология уже надоела. – Нравлюсь?

– Не хаами. Я, кажется, ничем пока не заслужил такой чести. Пойдем сходим-ка мы с тобой в одно местечко. Прогуляемся, заодно можно поговорить. Глядишь, к этому времени и чай принесут.

– Да, это правильно. А то какая-то зараза в отделении так и не дала мне возможности отлить. А потом уже и некогда было, а когда...

– Успеешь. Или лопаешься уже? Я имел в виду не сортир, а кое-что поинтереснее. Пошли.

Мы встали, вышли в приемную, где какая-то длинноногая девица в коротенькой, конической по последней моде юбочке действительно колдовала у чайницы на низком столике. При этом ее юбка так задралась, что во всю длину стали видны длинные, как у топ-модели, ноги. От пяток и до самого основания, до того места, где ноги ногами уже не считаются.

Мы прошли в коридор, по глушащему все шаги ковро до-

шли до какой-то номерной двери, за которой оказалась сравнительно большая квадратная комната – лифтовый холл в два лифта. Обычный и, судя по дверям, грузовой. На пассажирском мы спустились вниз, на минус какой-то там этаж. В этом странном здании номера имели только надземные этажи. А этажи подземные тут обозначались буквами и совсем даже не по алфавиту.

Как мне показалось, лифт еле-еле полз.

– Чего-то медленно он у вас едет, – проворчал я.

– Он может и быстро, – возразил Пол, – но только один раз и вниз. Надеюсь, когда это произойдет, меня в нем не будет.

Выйдя на букве G, мы опять пошли по коридору, но это уже был совершенно другой коридор. Никакого ковра тут не было, и наши шаги гулко раздавались в тишине. Весь коридор, длиннющий, кстати, был залит ярким белым светом. На электричестве здесь явно никто не экономил.

– Слушай, – нервно спросил я своего провожатого, – а мне это все мерещится или правда коридор тут длиннее, чем наверху?

– Все правильно. Это здание имеет более широкую подземную часть, – объяснял мне Пол, пока мы шли по сияющему коридору. – Вообще-то посторонним доступ сюда закрыт. Но тебе можно, ведь ты со мной. Так, стой. Пришли. Теперь внимание. Пока мы будем здесь, никаких вопросов и никаких замечаний. Вообще не издавай больше никаких звуков, что бы ты ни увидел – держи рот на замке. Это важно. Усек?

Я молча кивнул.

Пол прижал растопыренную пятерню к идентификатору у какой-то двери, после чего замок бесшумно открылся.

Весь небольшой тамбур – приемной это не назовешь – занимало некое устройство. Вероятно, тут установили контрольное оборудование, но я могу и ошибаться – еще нигде раньше не видел такой аппаратуры. Зато вторая дверь открывалась вполне обычным способом.

Мы вошли. Если вы человек с тонкой душевной организацией или беременная женщина, а может, собрались отобедать, то лучше бросьте читать дальше.

Помещение, куда мы попали, представляло собой что-то среднее между кабинетом супердорогого визажиста, рабочим местом врача-травматолога и комнатой для допросов. По стенам громоздилась некая аппаратура, похожая на медицинскую, справа стоял обычный железный офисный стол с квантовым компьютером последней генерации и производственным принтером, а в середине помещения располагалось металлическое кресло. Или стул. Когда проектировавший это сооружение неведомый дизайнер проводил свои разработки, то он явно не думал об удобстве сидящего. Подлокотников не было. Вместо них торчали два устройства в виде металлических прутьев с перпендикулярными отростками. Как рыбы хребты.

Спинкой данного чудного «стула» была прямая и плоская сетка из колец разного диаметра.

На кресле сидел абсолютно голый человек. Его руки и ноги были крепко-накрепко зафиксированы «рыбьими хребтами», а плечи крепились к дырявой спинке чем-то вроде зажимов. Вернее, это раньше было человеком. Теперь я видел перед собой нечто невообразимое. Но явно еще живое, поскольку глазные яблоки перемещались, грудь судорожно двигалась, а по телу пробегали судороги. Часть головы занимал какой-то прибор, плотно охватывающий нижнюю половину лица, затылок и шею. В области груди, живота и паха тоже крепились какие-то устройства. От всего этого оборудования отходили трубки и провода, исчезающие где-то под стулом.

– Ну и как результаты? – Пол обратился к бледному маленькому человечку, корпящему за компьютером. – Эффект есть?

– Есть, конечно. Но, по-моему, мы выжали уже все, – сказал этот тип. – Я тут ничего больше не смогу сделать.

– Уверен?

– Абсолютно. Если кто-то что-то еще из него вытянет, я готов поставить упаковку пива.

– Превосходно. Тогда отдавай его Хирургу. Звони. Человечек что-то нажал и что-то сказал. Буквально через минуту в комнату ворвался здоровенный толстый детина необъятных размеров с маленькой лысой головой и без шеи. Вместо последней промежутков между головой и круглыми плечами занимали несколько жировых складок. Одежду этого

бугая составляли резиновые тапочки и медицинский халат с застежками на спине. Ниже пояса застежки расходились и виднелись голые волосатые ягодицы и жирные ноги. Как я понял, это и был тот самый Хирург. В руках этот человек-бугор держал блестящую хирургическую пилу для вскрытия грудной клетки...

Читатели должны благодарить меня за то, что я пропускаю последовавшую затем сцену. Потом Пол повернулся ко мне и кратко изрек:

– Все, уходим.

Он проворно и ловко, как перебравшего друга, подхватил меня под руку, и мы выбрались обратно в светлый коридор, быстро проскочили мимо нескольких дверей и прошли в какое-то другое помещение. Уже без дактилоскопического контроля.

Помещение оказалось самым обычным туалетом. Я сразу бросился к ближайшей кабинке с унитазом. Меня рвало. Чем может тошнить человека, если он давным-давно не ел? Желудочным соком и еще какой-то гадостью. Когда спазмы прекратились, я использовал унитаз по более привычному для него назначению. Хорошо еще, что меня никогда в сознательном возрасте не подводили сфинктеры, а то что бы я сейчас делал? Та сцена с Хирургом отныне всю жизнь будет преследовать меня – стоять перед глазами в воспоминаниях и ночных кошмарах.

Когда я привел себя в порядок и вышел из кабинки,

то увидел Пола. Он сосредоточенно рассматривал что-то под потолком, над писсуарами. Там неизвестные оригиналы-шутники наклеили портреты почти всех современных активно действующих политиков. Успели даже прилепить распечатку фотопортрета японского премьера, только на днях избранного на этот пост.

– Ты не находишь, что Хираока выглядит тут слишком молодо? Наверное, какой-то старый его снимок.

– Что это было? – хрипло выдавил из себя я.

– Ты о чем? – Пол почему-то изобразил удивление на лице.

– Ты понял о чем. Мы вообще-то где? Что происходит?

– Мы у меня на службе, – спокойно заявил он. – И это часть работы. Ты готов?

– Готов. Объяснишь? А то я ничего не понимаю.

– А что тут понимать? Мы – Служба информационной безопасности, так? Наша задача – получать достоверную и точную информацию и не допускать незапланированной ее утечки, так? Так. Читать чужие мысли и чужую память еще никто не умеет. Не научились, несмотря на всяких там ментальных сканеров. Но! Человека можно заставить выдать из себя то, что он считает особо важным и что боится сказать даже себе. Даже то, что забыл давно. Есть методы. Одна беда – после таких методов пациент уже теряет все человеческое. Да и работа тяжелая – нормальные люди такого морально-го напряжения не выдерживают. Или с ума сходят, или да-

же с собой кончают – случаи имелись. Тут бывают полезны только субъекты с измененной психикой и модифицированной личностью. Грубо говоря, психи и маньяки. Те, кому, если быть честным, место или за решеткой, или в могиле, – Пол вздохнул и сделал паузу. – Вот и привлекаем их на отдельные особо деликатные и, скажем так, не очень приятные для других занятия. Не всех, конечно, а тех, кого нужно. Вот Хирург – совершенно незаменимый для нас сотрудник. Он – гений. Но примерно раз в месяц ему нужно... Ну ты сам видел, что ему нужно. А иначе он теряет над собой всякий контроль и все равно не может делать ничего полезного. Потом, после таких разрядок, у него наступает временная ремиссия, он снова адекватен и работоспособен. Меня беспокоит только постоянное сокращение светлых промежутков. Наступит момент, когда и Хирурга придется убрать. У других – другое. Но все они кончают одинаково. Мы называем их привлеченными сотрудниками. Ты видел Майка – того, что за компом сидел? Так с ним вообще беда. Его лишь под конвоем водить можно. Но – талантище. Лучше него никто не умеет вытягивать информацию. Я его с такими трудами из тюрьмы выкупил, что лучше и не вспоминать. Но он тоже требует свое, и нам приходится ему в этом помогать. Он – истинный некрофил с некоторыми особенностями и чудачествами. Юридически они давно уже мертвы, отсюда не могут выходить. Они будто исчезли из мира. Вот, например, наш знакомый Хирург – «умер» в заключении несколько лет на-

зад. У него пожизненное. Старый закон, запрещающий выдавать тела осужденных, нам иногда очень помогает. А тебя я привел сюда специально, чтобы ты понял, что мы тут не в игрушки играем и с нами лучше дружить. Так ты готов? Правда?

– Правда, готов, – ответил я.

Но я был еще не вполне готов. Меня снова начало тошнить, и я опять кинулся к унитазу. На сей раз рвало уже желчью. Отвратительно и противно, особенно горький вкус во рту. Я подошел к умывальнику и прополоскал рот.

– Ну все? Проблевался наконец? Молодец. Пошли, чайку со мной попьешь.

– Боюсь, что не смогу составить достойную компанию, – не без труда выдавил я из себя. – Не так давно мозговые стимуляторы принимал. У меня есть разрешение. Наверное, такая реакция.

– Реакция... Как кучеряво ты выражаешься. Сможешь, сможешь. Ладно, идем. Я Ингрид заказал к чаю «Птичье молоко».

Мы вернулись в кабинет Пола и сели так же, как и до посещения подвального этажа. Кабинет, кстати, был не таким уж и пустым, как показался мне на первый взгляд – спрятанные в столе невидимые кнопки могли вызывать из стен что угодно: и шикарный трехмерный терминал, и дополнительную мебель, и, естественно, секретаршу. Чай действительно оказался очень неплохим, причем там, по-моему, что-то бы-

ло добавлено, поскольку успокоился я очень быстро.

– Ну? Пришел в себя? – спросил Пол, усаживаясь за свой стол. – Я всегда говорил, что чай – великая вещь. Итак, у нас две главные проблемы. Убийство вашей уборщицы... извини, оператора клининга. И твоего клиента.

– Гибсон сказал, что убили кого-то другого, – возразил я.

– Ты что, Гибсона не знаешь? По твоей роже вижу, что знаешь. Врет он все. Погиб твой клиент, причем именно так, как и описано в газетах. Нехорошо погиб.

Пол снова что-то нажал, и на стене возникло ложное окно – хорошая имитация, почти неотличимая от настоящего. Только вместо городского пейзажа там виднелся какой-то безрадостный ландшафт, как после атомной бомбардировки.

– А что там описано? Я только из-под сторожа, а тут сразу Гибсон пришел со своим громилой.

– Да брось ты, – Пол махнул рукой. – Я же знаю, что успела позвонить твоя подруга. И рассказала тебе все... Эх, что-то у меня пузо стало расти. Что я только не делал – ничего не помогает!

– Хочешь избавиться от лишнего жира? Разведись.

– Не хами, – буркнул Пол.

– Извини. Забыл, где нахожусь.

– Ладно, проехали. Еще чаю? Вместо ответа я помотал головой.

– Ну не хочешь – как хочешь, – Пол снова на что-то надавил и сказал: – Ингрид, ты мне больше сегодня не нужна, мо-

жешь быть свободна. – Потом он повернулся ко мне. – Все, домой пора. Я подвезу, если ты не против.

– Ну спасибо. Ты – такой большой начальник...

– Да ладно, невелик крюк, – он вновь махнул рукой. – Какой я начальник? Умывальников начальник и мочалок командир. Так, пришла хорошая идея, за которую никто не хотел браться, вот и сделали боссом.

– Это потому что ты стал приглашать на интересную работу садистов-маньяков с комплексом неполноценности? – поинтересовался я.

– Все чистенькими хотят быть, – Пол сразу оживился, видимо, я задел за живое, – а я предложил простое и эффективное решение, и идея заработала. Тогда и дали мне полковничью должность и свой отдел. Вернее, это теперь стал мой отдел, а раньше тут какие-то старики сидели, даже секретарша была лет восьмидесяти. В маразме вся.

– А, знаю. Ни спросить, ни трахнуть.

– Во-во. Ты Ингрид видел? Она во время секса умеет ноги за шею закидывать, о как.

– Ну и что? Знаешь такую поговорку – «красна секретарша не тем, что красавица, а тем, что своему шефу нравится»?

– Ты не понял, – обиделся Пол, – себе за шею. Гимнастка. Ты, как мужчина, меня понимаешь. И к тому же она классная работница. Нет, правда. Никогда не уходит, пока я не отпущу, пять языков знает, как родные. Кроме стандартных – арабский, китайский, испанский. Ну, приплачиваю, конеч-

но. За усердие и служебное рвение, – Пол хохотнул. – Это я ее сюда притащил, она в арабский бордель чуть не угодила, представляешь? Ее туда собственный бойфренд продал. Я его потом... ладно. Так вот, ко мне уже сам директор подъезжал. Просил уступить. Сам-то давным-давно уже импотент, а все туда же: любит еще, старый козел, тонкую девичью структуру.

– Старый козел борозды не испортит, как говорят...

– Конь, не козел, – буркнул Пол. – Козел не пашет.

– Ну раз не пашет, то тем более не испортит. А что ты так откровенен со мной? Вдруг я прессе все расскажу?

– Шутник, – Пол долго ржал. – Отличный способ самоубийства. Но крайне болезненный, крайне. Да и не выйдет ничего из этого. СМИ – это средства информации. А мы – информационная безопасность.

За это время мы покинули кабинет Пола, спустились на подземную стоянку (ехали на обычном лифте, где последней кнопкой внизу значился именно паркинг) и уселись в его «Ровер». Пока Пол менял программу и вбивал адрес моего дома, я спросил:

– Так что с моими проблемами? Говоришь, Серж Стентон мертв?

– Мертвее не бывает. Гибсон на пушку тебя брал.

– Куда брал? – не понял я. – На какую пушку?

– Неважно. Так вот, твой Гибсон, – заметил Пол, – клинический идиот, впрочем, в полиции почти все такие. Он

ничего другого не умеет, как только врать, орать и лупить по ногам резиновой палкой. Это у них называется «колготки». А клиент твой честно сохранял конфиденциальность. Насколько я знаю, тебе нужно зайти к юристам и оформить там кое-что. Не тяни с этим. Мы тоже заинтересованы в этом деле, и ты будешь писать нам... мне подробные отчеты обо всем. Лучше делай копии – чтобы у нас и у этих вивопцев отчеты были одинаковые. Кто пришил эту вашу уборщицу – неизвестно, а тебя подставили, причем довольно-таки грубо и непрофессионально, хотя не без некоторого знания. По нашей просьбе уже сделали экспертизу, и то, что ты ее не помел, можно считать доказанным. Объект кто-то подобрал очень правильно. Ты же хотел ее оттрахать, причем прямо на работе?

– Ну, – замялся я, – как тебе сказать...

– Хотел, хотел, – не отставал от меня Пол. – Не успел только. А если бы она тебя поманила? Отказался бы?

«Вот ведь сволочь, – уныло подумал я. – Я что, уже давно у тебя под тотальным контролем?»

– Нет, конечно, – не возражал я уже вслух.

– Вот. На то и был чей-то расчет. Записи-то сохранились, где вы глазки друг другу строите. Тебе это поможет, кстати, виновного найти. Теперь это тоже твое дело – ищи непрофессионала, имеющего доступ к видеонаблюдению в вашем здании и к вашей уборщице. Тебе и секретаршу из «ВИПа» надо искать с ее инфой, куда уже не денешься. А мы будем

прикрывать тебя, поможем, если что...

– А полиция? – я насторожился. – Вдруг Гибсон опять начнет прикапываться ко мне...

– Завтра... вернее, уже сегодня, после семнадцати часов, у нашего дорогого Гибсона прибавится много новых забот и появится куча срочных дел. Ему будет уже не до тебя. И вот еще. Все свои походы по городу закончи до семнадцати ноль-ноль, а будет еще лучше, если раньше справишься.

– А что произойдет? – вяло спросил я.

– Увидишь, что. Телеканал местных новостей смотри. Всю оставшуюся дорогу мы молчали. Подъехали и припарковались с другой стороны моего дома. Пол повернулся в мою сторону:

– Все, приехали, – сказал он, – ровно через неделю жду от тебя первый отчет. Как видишь, я тебя не тороплю. Пока, хорошего отдыха.

Я ничего не ответил – молча вылез из машины и пошел домой. Только сейчас до конца осознал, что за человек меня вез. Вероятно, согласившись работать еще и на него, я, образно выражаясь, подписал договор с дьяволом, но выхода у меня просто не было. Ну не хотел я сидеть на железном стуле в подвале, не хотел. И не буду, если не наделаю глупостей. Пока, правда, с глупостями у меня неплохо получается.

Теперь я четко видел, что не давало мне нормально трудиться этой осенью и зимой, что помешало тогда закончить последнее дело. Сомнение в правильности прокралось гораз-

до раньше, чем я осознал это разумом и сумел сформулировать в конкретных словах. Возможно, такое сомнение тайно отравило меня еще до того, как я встретил Стентона, до нашего с ним разговора и до сделки с Полом. Возможно, что-то еще, что-то, таившееся в подсознании, и сделало возможной саму эту сделку. Получив подобное предложение еще полгода назад, я воспринял бы его как идиотскую шутку в мой адрес или, поверив в серьезность предлагающего, без церемоний отказался бы. Конечно, за полгода возникло много новых обстоятельств, но все равно...

Заблудившегося в лабиринте узника отчаяние может толкнуть на самый дикий поступок, и согласие писать отчеты для Пола, возможно, и было в конце концов продиктовано именно тем, что где-то в глубине души я уже чувствовал себя безнадежно заблудившимся. Я не видел другой дороги, кроме как в темный тупик в конце коридора. Раньше я только предчувствовал этот исход, или, если точнее, чуял. Теперь же удостоверился. Я понял еще одно: до сих пор в чем-то сильно ошибался, но в чем именно и что мне следует делать теперь – ничего этого я пока не понимал.

Поднявшись к себе, я включил светопотолок и сразу позвал Эльзу. Она не откликнулась – ее вообще не оказалось в квартире. Чего-то странного в том, что моя подружка ночует не у меня дома, я не видел. Но мне было неприятно. Квартира пуста. Никогда еще я не ощущал с такой остротой свое одиночество – духовное или интеллектуальное, как там

вы его ни называйте. Эту глухую стеклянную стену не могла пробить даже Эльза. Она все равно не могла дать мне того, в чем я сейчас так остро нуждался, – ни благоразумного дружеского совета, ни того инстинктивного понимания с полуслова, которое обычно устанавливается между людьми, связанными общностью взглядов.

Нас ничего не связывало, кроме секса – с одной стороны, и привычки – с другой. Привычки, которой очень далеко до живой любви и дружбы. Мужчина и женщина могут быть приятелями, собеседниками, знакомыми, любовниками, супругами, наконец, но никак не друзьями, за исключением случаев, когда она лесбиянка или родственница. Хотя это тоже не то, лесбиянка – скорее «друг», который будет таскаться с тобой по выставкам, ходить в походы и перемыкать косточки твоим подружкам. Но разве мы этого ждем от дружбы с женщиной? Конечно же, нет. Для этого есть друзья-мужчины. Дружба может быть между мальчиком и девочкой, но с возрастом природа берет свое. В таком тандеме искренне дружит только один – женщина, в очень редких случаях – мужчина.

На автоответчике скопилось столько сообщений, что я даже не стал их прослушивать. Не сейчас. Потом. Я отключил связь, взял запасной, «домашний» мобильник и позвонил. Эльза не отзывалась. Ладно, утром. А сейчас – душ и спать.

Наверняка многим знакомо ощущение грязи, желание помыться под душем, не проходящее даже после самой тща-

тельной очистки. Вот и у меня тогда было так же. Я вскрыл новый флакон жидкого мыла и извел его весь. Когда мокнуть уже надоело, а мыть стало нечего – отмыл все, что только можно, – я высушился, обтерся флеш-ойлом и вылез из душевой кабинки.

* * *

Отрывки из донесения агента Санха:

«В 19:58 объект был помещен в комнату для задержанных. Первоначально в контакты не вступал...»

«В 20:10 объект вступил в контакт с задержанным Сайксом по инициативе последнего...»

«Первоначально никакой ключевой информации объект не сообщил...»

«.. После изложения обстоятельств задержания, прилагаемых к донесению, Сайксом были высказаны несколько интересных для объекта идей, после чего мною был послан сигнал о дальнейшей нецелесообразности их совместного нахождения. Но объект и Сайкс успели обменяться адресами. Вслед за появлением в 23:55 сотрудника охраны объект обменялся парой ничего не значащих реплик с Сайксом и покинул комнату для задержанных.

Агент Санх. 00:50, 31.05.20**. Подпись».

6. Пол Жданов. Доппельгангер

Могу ли я предсказать свою жизнь хотя бы на несколько месяцев вперед? Скажу честно, что ни разу такое у меня не получалось, хотя неоднократно и пробовал. Тем не менее жалеть о происходящем со мной доводилось очень редко, и то из-за собственной безалаберности.

Обстоятельства, при которых я получил отдел и полковничье звание, вспоминались нечасто. Обычно бывает не до того – повседневная беготня, суета и рутина не дают времени подумать, но сегодня я прокручивал в памяти ту цепочку событий, что привела меня в это кресло.

Сейчас вдруг что-то случилось и поперли воспоминания.

Как это иногда бывает, все произошло случайно. А может, наоборот, закономерно, сейчас я даже не знаю, как и считать. Чуть больше двух лет назад наша группа расследовала запутанную историю об утечке информации из одной очень официальной государственной структуры. Работал я тогда начальником аналитической группы в отделе глобальных систем, и именно моя команда несла основной груз по обработке информации. Преступление совершалось так тонко и искусно, что долгое время никто ничего не мог понять. Вообще. Пока рано еще раскрывать подробности и детали, но дело оказалось значимое и срочное, мы трудились сутками, а когда все подошло к завершению, я доработался до

полного нервного истощения. Сразу после успешного окончания дела кто-то из моих коллег, не припомню сейчас, кто именно, предложил пойти в хороший ночной клуб и оттянуться там по полной программе. Почему бы и нет? Ну сказано – сделано, мы и пошли. Только вот беда – понятие «хороший» у меня с моими товарищами по работе несколько не совпадало и качественно различалось.

От клуба я устал быстро: двадцать семь лет – это уже не семнадцать, и когда окружающая меня реальность начала менять свои формы и очертания, понял: пора безотлагательно валить отсюда домой. Но не тут-то было. Там явно подсовывали какую-то дрянь, или что-то в воздухе, только мое восприятие резко изменилось. Возникло ощущение пребывания в другом пространстве. Как под водой. Однако мышление было сохранным, не как под алкоголем, который нарушает трезвость ума. Поле моего зрения резко сузилось, будто к моим вискам приложили длинные пластины из непонятного материала. Мне казалось тогда, будто я смотрю в бинокль. Восприятие времени менялось, как морской прибор, оно растягивалось до бесконечности или, наоборот, летело со скоростью гоночного болида. Я испытывал повышенную веселость и хохотал от совершенно несмешных слов своих приятелей. Ощущения были ошеломляющими – тело абсолютно меня не слушалось, и я подумал, что сейчас упаду и потеряю сознание, а уже после этого кто-нибудь вызовет скорую помощь и меня отвезут в то отделение, где обычно лежат

наркоманы и алкоголики. Я поймал себя на мысли, что еще в состоянии о чем-то думать, однако логики в своих размышлениях уже не ощущал. Попросив приглядеть за мной, я направился к стойке бара, захватив по дороге единственного человека, ум которого, по моему мнению, был еще на что-то способен. Перед самой стойкой меня почему-то обуял непреодолимый страх и паническое чувство, что должно случиться нечто ужасающее. Это ощущение охватило мое горло железными клешнями, однако выпитая чашка кофе с крекером не ослабила влияния наркотика. Напротив, после перекуса мое тело начала сотрясать дрожь. К своему ужасу, я осознал, что не понимаю, о чем говорят друзья. Я слышал слова, однако смысла не разумел. С каждым словом мой отравленный мозг выдавал страннейшие ассоциации. В мыслях я видел барабан стиральной машины, поезд и непонятные рифленные фигуры серой расцветки. Очень скоро голоса окружающих оформились в странные звуковые коробки. Могу поклясться, что даже видел пустоту между этими коробками. Ощущения полностью перемешались. Я испытывал и радость, и ужас, и веселье, и хандру одновременно. В глазах мелькали различные образы, смысл которых был мне неведом, сердце билось невообразимо быстро, и казалось, что, пробив груди-ну и сломав ребра, оно выскочит наружу или лопнет само. Чувствуя, что с минуты на минуту сознание и разум могут покинуть меня окончательно, я, в момент некоторого прояснения, попросил срочно отправить меня домой. Но, к своему

ужасу, понял, что из меня изливается не человеческая речь, а что-то абсолютно невразумительное. Повтор не улучшил ситуацию. Собрав в кулак все оставшиеся силы, я знаками попросил отвести к машине. Присутствующие охотно закивали и доставили меня к транспортному средству. Автомобиль не узнал голоса и категорически отказался воспринимать меня как своего хозяина. Адрес пришлось вбивать вручную, подтвердив подлинность прикосновением ладони.

Все воспоминания о последующей дороге и то, как я поднялся в свою квартиру, целиком выпали из моей памяти – видимо, я двигался на автопилоте. Полностью осознал себя только дома, перед своим зеркалом. В тот раз отражение мне чрезвычайно не понравилось. Глюки уже практически прошли, но что-то чужое и незнакомое было в лице, которое я привык считать своим. Сильно небритый дядька, которого я видел в зеркале, начинал полнеть и лысеть, был чем-то недоволен и на вид нездоров. Пока я его разглядывал, у меня появилось странное ощущение, что человек этот, так внешне похожий на меня, стоит не за зеркалом, где ему и полагалось находиться по логике вещей, а сразу перед ним. Я сделал шаг в сторону, чтобы мое отражение исчезло из зеркала. Но оно никуда не пропало. Это вообще было не отражение.

– Садись, поговорим, – сказал двойник, – дело того стоит.

Я ничего не ответил. Не смог как-то. Много раз слышал и даже где-то читал, что появление двойника из зеркала грозит неминуемой трагедией для человека. Согласно поверью, воз-

никновение призрака-двойника предвещает скорую смерть оригинала. И вот он стоит передо мной. Моя копия. Дубль, двойник, допельгангер или кто там еще?

Достоевщина какая-то.

Мы проболтали с моим «отражением» до утра, причем говорило только отражение, а я больше слушал. Потом двойник встал и ушел из комнаты, а я так и не вспомнил, хлопнула входная дверь или нет.

Немного придя в себя, я послал сообщение контакту, с которым последнее время общался все реже и реже. Стив Дэвидсон – мой старинный приятель, осколок тех времен, когда я бессмысленно тратил молодость в Арт-академии, полагая себя великим графиком и даровитым скульптором. Реальным приобретением этого художественного периода моей биографии стало обилие полезных и бесполезных связей, несколько друзей, список которых стремительно приближался к нулю с течением времени, и глубокое отвращение ко всякому изобразительному искусству.

Примерно через час я уже сидел в кабинете Стива и полностью возвращался к повседневной реальности. Испуг постепенно проходил – хорошо еще, что Стив всегда меня выручал в таких и подобных случаях.

– Ну, видишь ли, Пол, – успокаивал Стив, – чей-то двойник... это вовсе не означает, что он полностью идентичен оригиналу. Например, ты идешь по улице, и вдруг навстречу иду я. Ты подходишь и начинаешь со мной говорить, а че-

ловек не понимает, в чем дело, потому что это не я, а кто-то совсем другой. Он отвечает, что ты ошибся, и только тогда ты видишь, что имеются некоторые убедительные отличия, на которые сразу и не обратил внимания. Вот это и был двойник.

– Ты что, не понял? – обозлился я. – Это мой двойник был, мой собственный, а не твой. И вышел он прямо из зеркала. И я потом с ним долго разговаривал. А после этого у меня возникло ощущение, что во мне кто-то сидит и наблюдает за происходящим изнутри. Моими глазами смотрит и моей головой думает, понимаешь? Такое чувство, будто какой-то внутренний наблюдатель в моем сознании поселился.

– Главное утихомирься для начала, – «лечил» меня Стив после сумбурных моих объяснений. – На-ка вот, выпей. – С этими словами он налил мне полстакана воды и дал какую-то маленькую ярко-красную таблеточку.

– Это что? – спросил я своего друга. Я почти совсем пришел в нормальное сознание, хотя все еще пребывал не в своей тарелке.

– Так, легкий седативный препарат, – спокойно ответил мне Стив. – Тебе сейчас просто необходимо – говорю как врач.

– А может, лучше коньячку? – с надеждой осведомился я у своего друга. – У тебя нет?

– Есть, как не быть. Но тебе сейчас сие народное средство нежелательно. Потом можно, а сейчас нет, – веско заявил

Стив. – Ничего пока страшного нет, уверяю тебя.

– Хорошо тебе говорить «нет», – паниковал я, глотая таблетку. – У себя дома встретить собственного дубля, болтать с ним черт знает сколько времени, а ты говоришь – «ничего страшного». Говорят, появление двойника – это предвестник конца.

– О чем же вы там говорили с ним так долго? Мне интересно, расскажи.

– Да не помню я, – я чуть ли не кричал. – Абсолютно! Как будто кто-то вырезал из памяти три часа времени. Я только и знаю, что мы обсуждали нечто важное, но вот что... Досто-евщина какая-то. А потом еще вот это противное ощущение какого-то присутствия внутри головы...

– Ты, знаешь ли, на меня не ори. У тебя сейчас излишняя эмоциональность, что вместе с неспособностью контролировать свои мысли делается проблемой, когда человек сам становится зависимым от своих эмоций, чувств и мыслей, а не наоборот. В конце концов, кто в доме хозяин? Все эти сказочки про доппельгангера – двойника человека, появление которого предвещает смерть, – обычное суеверие, и не бери себе в голову. Впрочем, даже в легендах появление двойника не всегда значит гибель, хотя, как правило, встреча с двойником предвещает нечто не очень доброе. Но, по поверьям ирландцев, если двойника увидеть с утра, то это событие предрекает долгую и хорошую жизнь.

– Но я-то не ирландец, и увидел я его не утром, а вечером,

даже ночью, когда...

– Погоди, – вновь прервал меня Стив. – Поговорим серьезно и спокойно. Я немного занимался этим вопросом с чисто медицинской точки зрения. Так вот, из прошедших через мою приемную представителей творческой элиты шестеро признались, что перед допельгангером испытывали неосознанный и безотчетный страх. Из них пятеро – в форме ночного кошмара, который одна из опрошенных напрямую связывает с последовавшей за этим смертью кого-то близкого, другая – в форме страшных детских фантазий, в которых ее родители заменялись чуждыми и какими-то недоброжелательными существами. Все остальные опрошенные встречали своих двойников в Темном Городе...

– Я никакой не представитель творческой элиты, да и безотчетного страха не испытывал. И я никогда не мог попадать в Темный Город, – уныло прокомментировал я.

– Знаю. Ну и что с того? Ты не одинок, я вон тоже не могу, и нас таких – шестьдесят с чем-то процентов населения Земли. Не в этом дело. Мои коллеги считают, что внутренний мир человека можно узнать через его воображаемые видения. Вот в частности – через зеркало. Для меня зеркало – это не предмет, это символ, метафора. Можно сказать, что зеркало – символ контроля, оно говорит о том, каким человек видит окружающий мир. Властелин отражений, как звучит, а? Куда хочет, туда и повернет. И для меня тема зеркала интересна прежде всего с этого ракурса. Можно ска-

зять, что я осмысливаю два противоречивых утверждения: одно заключается в том, что мы сами являемся создателями своей судьбы, а второе гласит, что обстоятельства рулят нами и предопределяют наши помыслы. Понимаешь, Пол, галлюцинации, а точнее сказать, псевдогаллюцинации, бывают не только у душевнобольных. Там они имеют очень большое значение и сейчас нас не волнуют, поскольку ты практически здоров. Но иногда, при определенных условиях, у людей вполне психически благополучных могут возникать подобные эффекты. Только при самом поверхностном расспросе пациента можно принять псевдогаллюцинаторные представления за настоящие галлюцинации, тем не менее я убежден, что многое из того, что называют галлюцинациями, в сущности, принадлежит к псевдогаллюцинациям...

– Но у меня... – пытался я вставить возражения, но Стив выступал, как лектор перед аудиторией, и неважно, что аудитория состояла из меня одного. Стива понесло.

– ...или к сновидениям. В сознании же самого субъекта смешение этих двух родов субъективных ощущений, по крайней мере в сфере зрения, положительно невозможно. Поэтому, имея, как в твоём случае, псевдогаллюцинацию зрения и слуха, субъект в своём сознании относится к ней совсем не так, как он отнесся бы к субъективному чувственному восприятию в том случае, если бы оно было только зрительной галлюцинацией...

– Слушай, а попроще никак не получится? – Похоже, таб-

летка начала действовать. Я успокоился, но совершенно перестал понимать Стива. – Профессор ты наш. Я сейчас не понимаю и половину того, что ты мне тут наговорил.

– Можно и попроще, – вздохнул Стив. – Вы вообще-то что там принимали в этом своем клубе? А? Можешь передать образцы?

– Если бы. Нет, ничего нет. Какие еще образцы? Откуда? Только кровь свою могу сдать для анализа...

– Кровь сдай, – смиренно сказал Стив, – я прямо сейчас и распоряджусь. Еще мочу сдашь и пройдешь ряд процедур – мы тебя полностью обследуем, всесторонне. Полежишь у меня немного, отдохнешь. Ты мой друг, а друзей я лечу бесплатно – пуцу тебя по программе «Медикейт», платить ничего не придется. Но думаю, что наркотиков или их метаболитов в твоём организме уже давно нет, все распалось и вывелось... Поищем следы, конечно, чем черт не шутит, но это так, для успокоения совести: сейчас такие быстрые препараты пошли, что все уходит в момент... Да, а твое ощущение постороннего присутствия в сознании – это просто небольшое расстройство, с этим мы умеем справляться легко и непринужденно.

Стив умолк, встал с кресла и подошел к окну. В отличие от меня он не терпел ложных окон – все его окна были вполне настоящими. Такую роскошь он мог себе легко позволить: клиника стояла в лесу, и за стеклом круглый год зеленели сосны и ели.

Когда-то мы были неразлучной четверкой друзей-приятелей, абсолютно непохожих друг на друга парней – студентов Арт-академии имени Зураба Церетели. Медведеподобный, медлительный и спокойный Стив; энергичный, всегда что-то затевающий Алекс; флегматичный долговязый Ник и я – существо без определенного характера. Мы были бунтарями, протестовали, сами не зная, против чего, лезли из кожи вон, только бы нас заметили, а власти нас не то что не замечали, а просто игнорировали или замалчивали. Но периодически наши действия запрещали официально, и это считалось крупным успехом. Вообще-то против наших акций никто ничего не имел, и запрещали так, на всякий случай, лишь бы чего не вышло. А мы продолжали «зажигать». Было всякое. Мы делали скандальные и модные выставки, организовывали какие-то дикие арт-проекты, сумасшедшие перформансы и акции, участвовали во флешмобах и студенческих беспорядках. Автостопом путешествовали по Европе и в трюме сухогруза пересекали океан. Неделями жили под открытым небом или, наоборот, болтались по каким-то сомнительным трущобам и притонам. С возрастом мы успокоились и занялись делом. Каждый – своим. Никто из тогдашних моих приятелей не стал ни художником, ни искусствоведом, ни арт-критиком. Все, кроме Алекса, поступили потом в другие вузы, и компания практически развалилась. Время от времени мы перекидывались сообщениями и письмами, встречались, но с тех пор никогда и нигде не собрались

все вместе – известно, что разные интересы не способствуют общению. Я и Ник – заделались юристами, правда, разного профиля; Алекс – вообще непонятно кем; Стив же стал врачом-психиатром. Но это сейчас Стив уже именитый и всеми уважаемый доктор, а тогда, когда он пользовал меня в своей больнице, кроме скоропостижно полученного диплома и известного на весь психиатрический мир дяди-профессора ничего за душой у него не было. Чуть раньше, но в ту же светлую пору он как-то подозрительно быстро получил докторскую степень, унаследовал шикарную клинику и стал ее фактическим руководителем. Персонал считал его выскочкой, все смотрели косо, а старые врачи откровенно саботировали все его начинания, поэтому моему другу тогда приходилось несладко. Вообще-то Стив парень жесткий: характер у него не злой, не подлый, особой склонности к беспричинной жестокости не наблюдается, но в случае крайней необходимости может и убить без последующих угрызений совести. Но, несмотря на такую крутую лажу, он в тот момент реально мне помог, не взяв ни цента.

Когда моя голова более-менее прояснилась, я спросил:

– Слушай, Стив, вот ты знаешь про Темный Город практически все...

– Это не я, это Алекс у нас специалист.

– Алекс сейчас сильно занят, а ты вот тут. Объясни мне, как это работает? А то мы все так привыкли к Темному Городу, что даже не задумываемся над ним. Я вот так и не по-

нял: Темный Город – это вообще-то что? Единственное, что я знаю, – будто это некая параллельная реальность с особыми свойствами и законами, я знаю, что Темный Город предоставляет практически все, что хочет его посетитель, поэтому побывать там стремится каждый, но пройти туда может не всякий. Я вот не могу, да и ты не можешь, да? А тот, кто может, часто должен преодолеть серию трудностей как физического, психического, так и экономического характера, причем у разных личностей возможности сильно отличаются и зависят от каких-то свойств самого человека. Да, я слушал лекции в университете и разные научные статьи читал, но там сплошь или формулы какие-то безумные, или такая философия, что вообще ничего понять не могу. Может, расскажешь? Ты же раньше всякой математикой-физикой увлекался? Только просто, без всякой зауми, чтобы без формул, интегралов и непонятных слов.

– Чего это ты вдруг столь резко теорией заинтересовался? У тебя же голова сейчас плохо соображает?

– Вот, наверное, именно поэтому. Так объяснишь?

– Ну это же не моя область вообще-то... Я постараюсь просто рассказать, как для младшего школьника.

– Так оно сейчас и надо. Чтоб как для школьника. На большее все равно не способен.

– А я только так и могу. Вообще, любой грамотный специалист должен уметь рассказать о самом сложном явлении на пальцах. Или при помощи одного только листа бумаги и

карандаша. Совсем без математики, правда, не получится, но без формул попробую, только придется тебе потерпеть. Вот смотри, – Стив взял лист бумаги и поставил карандашом несколько точек в одну линию на равном расстоянии друг от друга. – Видишь? Это натуральный ряд чисел, те числа, что мы проходили в начальной школе. Один, два, три, четыре... ну и так далее. Эти числа знали еще в Древнем Риме. Потом появился ноль. Римляне его, кстати, еще не знали, поэтому у них такая неудобная система счисления, и это ограничивало их технический прогресс. Так вот, появился ноль. Думаешь, тогда людям было просто понять его? Вовсе нет. Ноль долго не признавали числом. Ноль арабы принесли из Индии в Средние века... – Стив поставил маленькие цифры возле нарисованных точек, начиная с нуля. – Позже появились дроби – числа вот в этих промежутках. С дробями было проще. Арабы еще изобрели алгебру и обнаружили, что числа есть и до нуля, – Стив проставил точки в противоположную от нуля сторону. – Отрицательные числа и дроби...

– Да, это я еще с начальной школы помню, – прервал я Стива, – но при чем тут...

– Я же просил, потерпи. Так вот, в начале Нового времени математики придумали десятичные дроби и узнали, что существуют иррациональные и бесконечно малые числа. Такие числа могут быть легко представлены как точки на прямой. Короче, вся эта линия, – Стив соединил точки идеально прямой линией (как только смог без линейки? Во дает!), –

непрерывна и сплошь состоит из чисел, везде на ней есть какое-то число. Так?

– Ну да, это в средней школе проходят, называется числовой осью. Действительные числа. И что?

– Действительные, или вещественные, то есть числа, действительно имеющие реальное воплощение в этом мире, так? В отличие от большинства понятий математики, вещественные числа знакомы широкому кругу людей ввиду их разнообразного приложения. Даже отрицательные величины можно легко себе представить – или в виде финансового долга, или в форме, например, минусовой температуры. А что здесь? – Стив ткнул карандашом сбоку от числовой оси. – Что вот тут?

– Ничего, – сразу же ответил я.

– Ну а если подумать? Так вот, здесь находится поле комплексных чисел. Чисел, пишущихся вместе с латинской строчной буквой «i» курсивом... Короче, комплексным числом называется выражение вида... – Стив написал на бумаге: « $a + bi$ », —.. где у нас a и b – обычные действительные числа, а символ « i » представляет собой квадратный корень из минус единицы. Это явление долго не могли себе представить даже математики, поэтому первоначально их называли мнимыми числами. Считали число « i » абстрактной игрой ума, к реальности отношения не имеющей. Зато, например, Лейбницу принадлежит удивительная фраза: «Мнимые числа – это прекрасное и чудесное убежище боже-

ственного духа, почти химера бытия с небытием».

– А, ну да, что-то такое я припоминаю... – Моя голова снова стала как ватная.

– Хорошо, а теперь представь на минутку, что наше пространство, весь наш мир – это вот та самая числовая ось, тогда как Темный Город и все то, что находится за ним, – там, на этом поле комплексных чисел. Именно поэтому Темный Город, а также весь комплекс доступных реальностей и называют комплексной реальностью.

7. Алекс Крейтон. Сон и реальность

Той ночью я не смог уснуть сразу – на улице около моего дома работала какая-то техника. Что-то ремонтировали или строили, скрежет и хруст не прекращались до утра. Лишь через некоторое время впал в полузабытье, где явь и отрывочные сновидения переплетались, проникая друг в друга. Затем, под самое утро, ко мне пришел настоящий сон, превратившийся в кошмар, что со мной раньше бывало не так уж часто.

...Я шел по дороге. Огромная автострада где-то посреди горной пустыни. Холодное небо с мертвящим лиловым оттенком, ветер и бесконечная дорога, с обеих сторон она сливалась с горизонтом. Я набрел на какое-то дерево. Старое, сухое и перекрученное, казалось, оно простояло тут вечность. К одной из его веток была привязана веревка с петлей. Петля затянута на шее девушки, которая и висела на этом дереве. Я видел, что она одета в какие-то лохмотья, ее кожа посинела, голова неестественно повернута набок, шея вытянулась, а руки скручены веревками за спиной. Но волосы аккуратно уложены – так, будто она только что покинула своего визажиста. Одна прядь падала на лицо. Порыв ветра откинул эту прядь в сторону.

Я подошел ближе, и тогда меня прошиб сильнейший озноб: я увидел, что на этом дереве повешена моя Эльза. От острой боли в голове перехватило дыхание, а учащенное сердцебиение не дало спокойно вздохнуть. Мне казалось, что я дышу пылью...

Тело Эльзы задергалось на дереве, как наживка на крючке удочки рыболова. Затем веки поднялись, и я увидел ее ярко-красные белки глаз – при повешении глазные сосуды лопаются.

– Х-х-х-х-р-р... мне... так плох-х-хо... – прохрипела Эльза. Ее рот еле-еле двигался, но звуки были на удивление четкие. – Плохо. Мне что-то плохо...

– Эльза, – диким голосом заорал я, – что... что произошло?

Но я не услышал своих слов. Я видел себя со стороны: мне жутко, чрезвычайно страшно и нереально больно. Я хотел произнести еще что-то, но слова расплзались в воздухе, как звук на той старинной магнитофонной кассете, что и выбросить жалко, а хранить уже незачем. А еще холод, пронизывающим, мертвящим ледяным ветром. Ветер носился по беспредельной пустыне, трепал волосы Эльзы и ее изорванную одежду. Ветер качнул труп Эльзы, и она снова тяжело захрипела, пытаясь вздохнуть. Мне стало совсем жутко: скрип дерева, хруст веревки, звук дыхания Эльзы, – но все это слышалось откуда-то со стороны.

Я попытался ослабить веревку, но не смог – у меня не бы-

ло рук. Два обрубка, бывшие моими руками, беспомощно торчали чуть ниже локтей...

Сон оборвался, и я проснулся – проспал почти до двенадцати. Жуть какая. Бешено колотилось сердце, и до боли хотелось свежего воздуха.

Холодная вода смыла остатки сна. Наскоро разогрев завтрак из холодильника, распечатал новый пакет с одеждой, облачился в чистое и хотел уже убежать, как что-то дернуло меня позвонить в ту самую юридическую контору. Да, меня действительно ждали.

Я подтвердил, что приду сегодня примерно через два часа. Сразу же вывалилась еще тьма сообщений. Оказалось, что за истекшее время меня разыскивала куча народа, начиная с инспектора местного участка полиции и кончая моей подружкой. Я не стал открывать месседжи, а то отправитель сразу же узнает, что его сообщение получено. Этого я пока не хотел. Вот будет немножко времени, тогда не торопясь разберусь в своих делах, всем и ответчу.

Я быстренько вызвал свою машину, которая так и осталась ночевать у Соросовского офис-центра, и, пока она ехала, включил свой комп. Ну конечно. И тут куча сообщений. Нет уж. Потом. Так, а по новостям что? Я вбил ключевые слова – «убийство» и «Алекс Крейтон».

«Луна. Двое обитателей лунной станции «Алекс-П» были вынуждены пять недель питаться исключительно конфетами. В результате астронавты убийственно поправились –

на 2,5 килограмма каждый, а астронавт Крейтон – даже на целых три. В условиях низкой лунной гравитации...»

«Рим. Алекс Чикано и Фелиция Манчини подали иск в суд по делам семьи. Окружной судья Крейтон заявил, что, поскольку на носу праздники, времени созывать Большое Жюри у него нет. А работать ему совершенно не хочется, и даже в случае, если придется расследовать убийство, он все равно уйдет домой. Жрец Фемиды предложил истцам бросить монетку. Если выпадет курица – ребенок останется с матерью, если фэйс – с отцом...»

«Алекс-Билль. Для входа на аргентинские пляжи отныне необходимы не только купальники, лежаки и полотенца, но и справки от врачей. Теперь перед визитом на пляж аргентинцам надо представить справку, что они не страдают целым рядом заболеваний. Чиновники также ловят несчастных граждан в местах отдыха, в отелях, на переправах и открытых бассейнах. Аргентинцы известны своей нелюбовью к медицине – граждане не очень хотят платить деньги медработникам из-за убийственной коррупции, поразившей аргентинских чиновников в белых халатах. По заявлению главы пресс-службы медицинского ведомства Бернара Крейтона, в целях улучшения санитарно-гигиенической обстановки в стране аргентинские власти объявили настоящую охоту на проституток, имеющих лицензию...»

«Нью-Йорк. Известный маг Александр Крейтон заявил, что, бросив обыкновенный теннисный мяч, он сможет при-

нудить его остановиться в воздухе, а вслед за тем, не притрагиваясь к нему, – вернуть его с убийственной скоростью...»

Все было очень даже забавно и любопытно, но меня абсолютно не интересовало. А, вот оно. Наконец-то:

«Город. Совершенно убийство крупного бизнесмена. На своем рабочем месте убит один из заместителей директора фирмы «ВИП Сервис Консалтинг Лимитед» Серж Стентон. Эта компания занимается поставками и реализацией интеллектуальных продуктов, а также специализируется на оказании ряда услуг.

Предпринимателя убили прямо в рабочем кабинете, а затем тело с проломленным черепом вывезли на Третий мусороперерабатывающий завод им. Серго Орджоникидзе. Официально «ВИП Сервис» работает до семи часов вечера, но накануне Стентон задержался – была назначена деловая встреча. Видимо, преступники знали о ней. Охрана фирмы ничего подозрительного не заметила, все видеосистемы, системы охраны и сигнализации в полном порядке, и ничего представляющего интерес для следствия в записях выявлено не было. После осмотра места преступления оперативные работники обнаружили орудие убийства – бейсбольную битту производства спортивной фирмы Cool & Wilson, а также пятно крови со значительным количеством мозгового вещества.

По факту убийства предпринимателя возбуждено криминальное дело. Следственные группы разрабатывают три различные версии: заказное убийство, связанное с бизнесом убитого, преступление на почве личных отношений и просто хулиганская выходка. Не секрет, что «ВИП Сервис», одним из руководителей которой был Серж Стентон, в последние годы осваивает новые технологии и виды деятельности. Фирма открыла крупный развлекательный клуб, собиралась открыть еще один – в центре города. Не исключено, что преступление связано именно с этими аспектами.

Как стало известно нашему корреспонденту, фирма при непосредственном участии Стентона заключила контракт со скандально знаменитым частным детективом Алексом Крейтоном, который всегда балансировал на грани закона и уже неоднократно попадал в зону профессионального интереса правоохранительных органов. Крейтон известен тем, что всегда брался за дела, напрямую связанные с пресловутым Темным Городом и его «посетителями». В полиции и в прокуратуре отказались отвечать на наши вопросы прямо, ссылаясь на тайну следствия, но прозрачно намекнули, что на этот раз Крейтон может оказаться напрямую причастен к этому загадочному преступлению».

Вот ведь как написали, чертовы журналюги. И не придерешься, и в суд на них не подашь.

Пробежав глазами ньюс-ленту на всякий случай еще раз,

я вышел из квартиры, проверил замки и спустился вниз, на стоянку. Машина уже ждала. Видок у нее был еще тот. За трое суток на открытой стоянке она покрылась слоем городской пыли и грязи, поэтому я совсем не удивился, увидев на ветровом стекле наклейку о начислении штрафа за неопрятный внешний вид. Не иначе как на перекрестке какой-то ушлый инспектор позаботился.

Не нравится мне лишнее внимание к своей персоне. Я вообще не люблю ничего дорогого и вызывающего. Ношу одноразовую одежду, подписка на которую у меня автоматически возобновляется. Живу в скромной квартире на пятидесятом этаже старого дома. Езжу на дешевом ленд-каре пятилетней давности. Ну друзья из автосервиса мне там, конечно, кое-что усовершенствовали: двигатель поменяли, экосистему и электронику улучшили. Карта города постоянно обновляется, да и навигация с автоматикой новая. А вот внешний вид – старый и вполне мне подходит. Таких машин тысячи, затеряться среди них – не так уж и плохо.

Я ехал к себе в офис. По дороге заскочил на мойку – мне совсем не улыбалось получить второй талон за грязь. Пока машину мыли, взял в банкомате тысячу кредитов на карманные расходы. Стентон не обманул – мой счет действительно перестал смахивать на последствия вооруженного ограбления.

Сначала я заскочил к нашему управляющему – Грэггу Андерсону. Он обрадовался мне так, будто я сообщил ему о по-

лучении наследства от неизвестного родственника:

– О, Алекс! Как я рад, что у тебя все хорошо.

Мы давно уже обходились при личных встречах без формальных знаков вежливости. Это по телефону, по поводу официальных дел он предпочитал обращение «мистер Андерсон» и на «вы». А в непосредственных разговорах «по душам» любил общение непринужденное, чтобы его называли по имени, будто мы с ним старые друзья-приятели.

– Деньги уже поступили, и больше ты нам ничего не должен, – продолжал Грэг. – Я же все время знал, что на тебя можно рассчитывать.

«Ага, знал ты, старая свинья. Как же. А кто меня выгнать обещал через несколько дней, если не заплачу?» – подумал я про себя, но вслух сказал:

– Спасибо, Грэг. Я всегда очень дорожил твоим хорошим отношением, ты же знаешь. Как там? Все как обычно? Никто не вломился, никто ничего не спалил?

– Ты о чем? Все о'кей. Ты вот что мне скажи. Во всей этой брехне про тебя есть хоть слово правды?

– Знаешь, я тебе скажу честно, – проникновенным голосом произнес я, – все выложу, как на исповеди.

«Как же. Держи карман шире. Чтобы я тебе да что-то сообщил? А фигу с маслом не хочешь?»

– Ну? – напрягся Грэг.

– Правда только в одном: меня кто-то нанял, и мне уже выдали аванс, как видишь. Но я понятия не имею, кто мой

клиент. Сначала я думал, что Стентон. Потом – что фирма «ВИП Сервис чего-то там Лимитед». Но это все лажа. Они отказываются и никаких денег мне не переводили.

Я врал Грэгу со спокойной душой и чистой совестью, поскольку у самого Грэга не было ни того, ни другого. Я старался рассказывать ему только те факты, что все и так уже знали из прессы.

– Но заплатили же? – не унимался Грэг. – И за что?

– Ну тут сам знаю за что. Мне нужно найти секретаршу Стентона и убийц вашего оператора клининга.

– Да, если найдешь убийц Мадина, я тебе еще приплачу. Хорошая девочка была и старательная такая. А какая между этим всем связь?

– Пока не выяснил. Ее имя Мадина? А то секретаршу Стентона звали Марина. Похоже.

– Угу. Мадина откуда-то из восточных регионов, я даже не узнавал, откуда именно: у нее была хорошая рекомендация... Правда, что ее разрезали на две половинки?

– Нет. Только вот так, – я показал как, – но тоже ужас. Экспертиза говорит, что еще при жизни.

– Изверги. На себе не показывай, нехорошо это. – По-моему, Грэг и вправду был очень сильно расстроен убийством своей служащей. Спал он с ней, что ли? – Когда найдешь их, скажи сначала мне, а уж потом полиции, добро?

– А вдруг я ошибусь? – на всякий случай спросил я. – И почему, по-твоему, их было много?

– Она была сильная и умела постоять за себя, одинокой девушке в городе нельзя без этого. А тебе я верю, ты зря не оговоришь никого.

– Спасибо. – Несмотря ни на что, я был тронут. – Откуда вдруг такая вера в меня? Раньше ты...

– То раньше. Что-то еще? Чем могу помочь?

– Можешь помочь. И даже очень. Куда попадают данные внутреннего наблюдения? И кто к ним имеет доступ?

– А откуда... ну хорошо. Вообще-то сначала к нашему security. Айвен Титов, ты его знаешь. Потом недели две записи хранятся у меня, а после обновляются. Если требуют власти, я обязан предоставить им доступ.

– Уже затребовали? – удивился я.

– А то? Отдал уже все...

– Да ладно тебе. Отдал он. Скопируй мне инфу за это число и вот за это, – я написал на клочке бумаги несколько цифр. – Нужны записи внутренних камер моего офиса и коридора около него.

– Да я... – Грэг замялся и вроде как сконфузился.

– Грэг. Ты же сам предложил. И помощь обещал. «Вот зараза. Нет, я так просто от тебя не отстану».

– Хорошо. Но если полиция или еще кто спросит, я тут ни при чем. Незаконно это, сам знаешь. Я откажусь от всего и заявлю, что не знаю, откуда у тебя эти записи.

– Спасибо, Грэг, ты настоящий друг. Ладно, все с этим, – я сбавил тон и сменил гнев на милость. – Замок не заменили

еще? Шучу. Тогда я иду к себе.

– Найди тех нелюдей. «Спасибо» рано, не за что пока. Я практически не сомневался, что наш разговор уже зафиксирован и стоит мне выйти за дверь, как Грэг тут же подробнейшим образом передаст запись в одну из спецслужб, куда он там завербован. А может, и не в одну, а сразу в несколько. Черт его знает. Только одного я пока не знал – как он передает инфу своим хозяевам: при личной встрече, через Сеть, через Темный Город или курьером? Как-то передает. Сотрет разве что кусок записи со своей просьбой – в первую очередь сообщить ему имена убийц.

Ладно, пора посмотреть, что там теперь в моем офисе.

С каким-то особым удовольствием сорвав полицейскую печать, я вошел. С виду ничего не изменилось, все предметы оставались на своих местах, как и были. Даже оба мобильника лежали в тех же положениях, что и вчера. Диск тоже никуда не пропал. Наверное, копы приняли его за подставку для кофейной чашки – такие носители уже давно никто нигде не использует. Но что-то стало не так. Что-то неуловимое и незаметное. Что-то на уровне интуиции. Тут явно проводили обыск, причем работали высочайшие профессионалы своего дела, и поэтому рассчитывать на записи систем охраны и наблюдения не приходилось. Но я-то тоже не промах. Я никогда не доверял никому, а уж тем более нашему управляющему с его службой охраны. Грэг был мужик в общем-то неплохой, но страшный трус и дурак. А уж за хорошие день-

ги он, ни секунды не сомневаясь и не чувствуя мук совести, продал бы кому угодно родную матушку.

Я быстро просмотрел скопившиеся сообщения на мобильнике и в компе. Ничего особенного. Реклама, панические сообщения от Эльзы, что-то от администрации офисного центра, реклама новых секс-клубов, какие-то резюме, приглашения на встречи... А вот это уже интересно:

«Партия экологической христианской молодежи, съезд которой проводится с 31 мая по 6 июня в Городе, намерена вплотную заняться работой с новыми информационными технологиями, прежде всего с так называемым Темным Городом. Об этом заявил председатель отдела по делам молодежи Единой христианской церкви архиепископ Дубнинский и Всеволожский Иннокентий (Майкл Евсеев) на прошедшей в среду пресс-конференции, сообщил корреспондент «Новой независимой газеты». Особое внимание Церкви, считает архиепископ, нужно уделить так называемому Темному Городу, являющемуся «диавольским искушением для неокрепших душ». Как заявил священнослужитель, «основной задачей Церкви является воцерковление Темного Города». По словам иерарха, важно, чтобы «Темный Город из места, которое затягивает отроков в море греха, стал бы неводом, который будет их оттуда вытягивать». Между тем, считает архиепископ, отсутствие нравственных ориентиров приводит к тому, что «в молодежной среде начинают процветать суеве-

рия, разврат, пьянство, наркомания, преступность и дарвинизм». Эту тему развил в своем выступлении другой иерарх – заместитель председателя отдела по делам молодежи ЕХЦ, ректор Дубнинской духовной семинарии архимандрит Иллirii (Вит Псеков). Он пояснил, что под воцерковлением Темного Города следует понимать как широкую рекламу христианских ресурсов там, так и работу над законодательными ограничениями доступа туда подрастающего поколения. По его мнению, «свободное время молодежи лучше посвятить молитве и чтению писаний Святых Отцов». По убеждению архимандрита, «мы должны отвергнуть искушения века сего и утвердить себя в исповедании веры в Христа», неверие в которого приводит многих к губительным последствиям. Важными направлениями деятельности партии являются также: экология духа, христианское молодежное общение, активное участие молодежи в экологии христианской жизни, осуществление христианско-просветительских и благотворительных программ, содействие духовно-нравственному воспитанию молодого поколения, борьба с разными формами неверия и нравственной распущенности, просветительская деятельность, укрепление экологии христианской культуры и содействие межконфессиональной интеграции в современном обществе.

Открытое шествие Партии экологической христианской молодежи намечено на 31 мая на пять часов вечера. Колонна пойдет от храма Михаила Архангела до памятника святите-

лю Алексею.

«Новая независимая газета». 30.05.20**».

И за каким таким дьяволом (или «диаволом», как иногда говорят церковники) мне прислали заметку про этих сектантов? И кто? Отправитель неизвестен. Ладно, запомним, а там посмотрим – может, и пригодится. Уж не это ли имел в виду Пол?

Закончив свои дела в офисе, я опять кинулся вниз, к нашей стоянке. Почему в таком недурственном месте, как Соросовский центр, не сделали большого и глубокого подземного паркинга, я так и не понял. Не сделали, и все тут. Большая часть машин оставалась на открытой площадке. При современных-то ценах на землю это казалось просто диким и нелепым.

Задав автопилоту адрес, я нажал Start и расслабился. Пока машина везла меня через центр оптимальным в данной ситуации путем, я не только прослушал все сообщения на обоих телефонах, но успел даже прочитать поступившие туда записки. Позвонил своему адвокату, но Ник не отвечал. Где же он там шляется, интересно, когда нужен мне до зарезу? Пока вроде бы обхожусь без него. Ладно, там посмотрим.

Центр города уже остался позади. За окном мелькали попутные машины, редкие пешеходы и современные дома. Эминем-Бич сто двадцать один, где-то в самом конце новой набережной, у дальнего края старого водохранилища. Вода

там давно уже годилась лишь для технических целей, да и то после основательной очистки. В «сыром» виде ее, по-моему, вообще уже нельзя подавать по трубам. Однако район пользовался популярностью и слыл престижным – многочисленные деловые центры, офисные билдинги и развлекательные заведения не жаловались на отсутствие клиентов. Пока машины стояли в какой-то пробке, я успел ответить на большую часть сообщений и на несколько звонков. Вдруг телефон подал сигнал экстренной связи. Ага, Эльза.

– Ну? – спросила она. – Ты сейчас где?

– Подъезжаю к Эминем-Бич, – сообщил я о своем местонахождении, – уже въехал, но в пробке застрял.

– Это я вижу, – Эльза всегда имела пеленг не только от своей машины, но и от моей, что меня иногда сильно доставало. – А за каким тебя туда вообще понесло?

– Там контора Фрэнка Уильямса, и меня просили что-то там уточнить. Это по работе.

– Когда освободишься? Заскочи ко мне.

– А может, наоборот? Ты ко мне? Я уже соскучился.

– Да? – Эльза сделала небольшую паузу, что-то припоминая. – Нет, я тогда не успеваю. Мне сегодня еще в клуб надо, важная встреча.

– Это опять ваш бабский «Пинк Клуб»? Не надоело?

– Не угадал, это тоже по работе. По моей. Нужно интервью взять у одного мужика.

– А больше ничего у него брать не нужно? – я любил до-

водить свою подругу.

– Слушай, ты, – Эльза, похоже, начинала злиться, – опять начал?

– Ну. Ты даже не спросила, как я выбрался и что вообще со мной случилось.

– А что толку? Вот встретимся, и расскажешь. Так заскочишь?

– Обязательно, – согласился я, – думаю, что за час там управлюсь.

– Тогда пока. Если что – звони.

Моя девушка отключилась. Что-то быстро она успокоилась. Еще недавно паниковала, а сейчас – будто и не произошло ничего. А что, собственно, произошло? Пропал ее парень (я то есть), но потом нашелся. Что-то там ему хотели навесить, но он отмазался или его отмазали. И выпустили. Было бы что-то серьезное – не отпустили бы. Значит, все хорошо, все прекрасно, жизнь продолжается. В этом вся Эльза.

У юристов я пробыл на удивление недолго. Оказалось, что действительно – я теперь должен выполнить работу по договору для фирмы «ВИП Сервис», о чем мне и сообщили, предложив подписать соответствующий документ. Причем если раньше моим клиентом числился лично Стентон как лицо физическое, то теперь – сама фирма как юридическое лицо. В первый момент, правда, мне было не совсем ясно, для кого я должен писать отчеты, но потом объяснили, что адресовать нужно на специальный почтовый ящик. Адрес

прилагался к документу.

Оттуда поехал к своей подружке. Даже раньше, чем обещал.

Ключ от квартиры у меня имелся, и Эльзу я застал в обычном для нее домашнем наряде – из одежды на ней имелось только полотенце. На голове. Она, как обычно, ходила голышом, ей так нравилось. Так ей было удобно. Так повелось с тех пор, как она сняла эту спокойную, недорогую квартирку. Она не стеснялась, поскольку знала, что с улицы ее не видно, а рассмотреть можно лишь с крыши дома за парком, откуда регулярно за ней следил в свой телескоп один старый пенсионер. Эльза отлично про это знала, но нисколько не беспокоилась.

Почему это голые женщины никогда не выглядят глупыми? Эту свою привычку – ходить по квартире в костюме Евы до грехопадения – она так и не оставила, говорила, что ей так лучше дышится и кожа должна отдыхать. Чего там должно отдыхать? Но я это спокойно наблюдать никогда не мог. И потому у меня никак не получалось отдыхать в ее квартире. Вот и сейчас – опять то же самое...

...Потом я видел, как она подошла к дивану и как полотенце упало на пол. Она нырнула под простыню, и я ощутил запах ее кожи. Мои руки сразу потянулись к ней, и я стал гладить ее плечи, грудь, бедра, волосы. Давно я уже не был с женщиной. Дня четыре. А как только мы слились в едином ритме, она издала громкий прерывистый стон, и не бы-

ло больше кругом ничего, кроме ее тепла, криков восторга и изгибающегося мне навстречу гибкого упругого тела...

* * *

Агент Пейдж. Отрывки из донесения:

«В 14:59 объект подъехал к д. 23 по улице Дубки (Ulitsa Dubki), припарковался, поставил машину на сигнализацию и вошел в подъезд. Зарегистрировался у консьержки, а затем прошел в лифт.

В 15:04 объект появился в кв. 708 у своей знакомой Эльзы Миллер, с которой поддерживает регулярную половую связь...»

«В 15:11 объект вступил в половой контакт третьей степени с хозяйкой квартиры. Никакой информации не сообщил и ничего не передал...»

«В 16:31 объект был разбужен его партнершей, после чего ему было предложено покинуть квартиру...»

«В 16:45 объект покинул квартиру, спустился к своей машине, но по причине повреждения последней взял муниципальное такси...»

Агент Пейдж. 16:50, 31.05.20**. Подпись».

8. Пол Жданов. Выписной эпикриз

Продолжая вспоминать, как я получил полковника и свой отдел, я вдруг подумал, что есть одно золотое правило: не рассказывай о своих неприятностях, если не уверен, что тебя хотят выслушать. Ни к чему это. Слово материально, и чем меньше говоришь, тем лучше. Жаль только, что не все об этом знают. Поэтому о своих проблемах предпочитаю помалкивать.

А тогда я быстренько оформил медицинское освобождение от работы, собрал все необходимые личные мелочи и лег в клинику Стива. Как он и обещал, лечили меня в этой похожей на санаторий психбольнице бесплатно, и не столько лекарствами (которые я с наслаждением спускал в унитаз), сколько отдельной палатой, хорошим сосновым воздухом, ежедневными беседами и вечерними совместными пьянками. Назначив лечение, Стив также настоятельно посоветовал заняться чем-нибудь очень приятным, для души. Выполняя его указание, я довольно быстро подцепил одну медсестричку, и в часы ее дежурств в ночную смену у меня имелось с кем спать. Лика (так ее звали) не сверкала такой уж идеальной красотой, но была крепенькая, ладненькая и отличалась невероятно легким и веселым характером. Принимая во внимание место ее работы (психбольница) и учебы (Медакадемия), сохранение таких качеств выглядело почти что

чудом. Часто конкуренцию мне составлял кто-нибудь из дежурных врачей, но Лика была сильная девушка и ее хватало на всех.

Палата, куда меня положили, больше походила на номер вполне терпимого отеля. Только автоматические железные шторы снаружи напоминали, что это все-таки не гостиница и не санаторий. Комната с широкой квадратной кроватью, терминалом, парой пуфиков, светопотолком, спокойными стенами без намека на видеообои. Современный удобный санузел со множеством каких-то непонятных мне приспособлений. Нигде ни одного острого угла, все предметы немного упругие: пол, стены, сантехника – все мягкое. Но больше всего мне понравился балкон, куда выходило окно. Широкая удобная лоджия, снабженная системой блокировки – выход из палаты при необходимости перекрывался. Балкон смотрел в лес, и в палате при открытой балконной двери всегда было тихо, только по ночам свистели сверчки, а утром пели птицы. Входная дверь в палату – тоже не так проста: без ручки и вообще без чего бы то ни было, только пятно дактилоскопа. Спасибо Стиву – он настроил распознавание на меня, чтобы я мог свободно перемещаться по отделению.

Само отделение предназначалось для «коррекции психических и эмоциональных расстройств средней степени тяжести». Вдобавок тут на сугубо добровольной основе лечили тяжелые и острые психозы. Тем не менее отделение работало в «строгом» режиме: пациенты имели возможность вы-

ходить оттуда только в закрытый от посторонних глаз парк, да и то по специальному разрешению лечащего врача. Подписав согласие на лечение, пациент утрачивал самостоятельность на «проплаченный период».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.